

Смена

№ 13 ИЮЛЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЭЛЕКТРОНИКА,
УСКОРИЯЮЩАЯ
ПРОГРЕСС

ВТОРОЙ ОРДЕН ЛЕНИНА НА ЗНАМЕНИ СОВЕТСКОЙ ПIONЕРИИ.

БОЛБІГОД

Вся наша страна торжественно отметила знаменательную дату в развитии детского коммунистического движения — полувековой юбилей Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

На главном знамени советской пионерии засверкал второй орден Ленина. Эта высшая награда Родины — признание заслуг организации, в рядах которой получили первую политическую закалку, приобщились к общественной жизни миллионы и миллионы советских людей.

Рождение и вся история пионерской организации неразрывно связаны с героической историей нашей страны, нашей Коммунистической партии и комсомола. У истоков детского коммунистического движения стоял Владимир Ильинич. Как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 50-летии пионерской организации имени В. И. Ленина», полувековая история советской пионерии ярко подтверждает ленинскую мысль о том, что организация детей — лучший путь воспитать коммунаров.

Празднование 50-летия пионерии стало еще одним смотром работы пионерских отрядов, рапортом юных ленинцев партии, народу о том, как живет, учится и готовит себя к участию в строительстве коммунизма наша юная смена.

Забота партии об организации юных ленинцев — это забота о будущих соратниках по борьбе, о своей коммунистической смене. «Будущее страны Советов», — отмечал в докладе «Пятьдесят лет великих побед социализма» Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — станет таким, каким его сделают сегодняшние октябрятки, пионеры и комсомольцы. И партия уверена, что это будущее будет прекрасным».

СБОР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 13 [1083]

**ИЮЛЬ
1972**

НАША ОБЛОЖКА:
НА ПОТОКЕ ЦВЕТНЫЕ
КИНЕСКОПЫ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА
РЕПОРТАЖ «ВЛАСТЬ ЭЛЕКТРОННИКИ» С МОСКОВСКОГО ЗАВОДА «ХРОМОТРОН-12-17».

4

КОМСОМОЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР:
КАРЛ МИКЕЛЬСОН
С ЗАВОДА ВЭФ.

8

РАССКАЗ РУСТЕМА КУТУЯ
«ХОЛМЫ».

26

НАУКА: ПАЛЕОНОЛОГИЯ.
СЕГОДНЯ И ТЫСЯЧИ ЛЕТ
НАЗАД...

28

ЗНАКОМЬТЕСЬ:
БАЛЕРИНА
НАДЕЖДА ПАВЛОВА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

БОРИС ЧЕРНЯКОВ: ЧЕСТЬ ТРУДА,
РАЗМЫШЛЕНИЯ РАБОЧЕГО
КИРОВСКОГО ЗАВОДА

СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА — ДЕБЮТАНТ ОЛИМПИАДЫ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, П. П. Кулешов, А. А. Лихнов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Ромдестровский, Е. И. Рабчикова, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкин

смена 1

На свой праздник съехались в Москву лучшие представители пионерских дружин из всех уголков страны. Вместе с ними во Всесоюзном пионерском совете «Всегда готов!» участвовали ветераны пионерского движения, пионеры всех поколений — именные подпольщики и ученики, космонавты и рабочие министерств и колхозов. Наш корреспондент АНАТОЛИЙ БАРАНОВ взял интервью у некоторых участников торжественного собора.

**Василий Филиппович
БАСОТИН,**
секретарь ЦК РКСМ,
первый председатель
Центрального бюро
юных пионеров
в 1922—1924 годах

Пионером он не был, пионерами тогда не было. В тридцатый лет стал работать на одесском судостроительном заводе. Начинал учеником котельщика — работы были категоричны. Семнадцать лет вступили в партию, стали коммунистом. Почти два года водили группу пионеров, окружённой большевиками: выпускали газету, листовки для иностранных солдат. Это о них работе сказал В. И. Ленин, что «большевики отдали у Антактии ее солдат и матросов». Одновременно по поручению подпольного губкома партии Василий Басотин создает детские и юношеские организации. Юные коммунисты оказывали большую помощь в освобождении Одессы.

Они тоже не были пионерами, — вспоминает Василий Филиппович. Но подобные организации, возникшие сразу после революции в различных пролетарских районах, фактически послужили основой создания пионерской организации. Мальчишки, «красные гвардейцы», как мы их называли, боролись и воевали в дни революции гражданской войны рядом со взрослыми.

Комсомольцы Одессы послали Всесоюзный своему делегатом на III съезд РКСМ. И там он впервые увидел и услышал Ленина.

— В первые ребяческие отряды Владимира Ильича прозорливо увидел

ростки будущей коммунистической организаций детей. И в своей исторической речи на комсомольском съезде он дал нам программу коммунистического воспитания молодежи.

Символично, что пионерские отряды родились на заводах, известных своим революционным прошлым. Партия всегда рассматривала детское и юношеское коммунистическое движение как неотъемлемую часть общеполитического дела.

19 мая 1922 года мы, делегаты II Всероссийской конференции РКСМ, приняли решение распространить опыт московских отрядов на всей стране.

Этот день и стал днем рождения пионерской организации. Через два года в стране было уже 300 тысяч пионеров, еще через три года — 2 миллиона.

С первых дней существования пионерской организации коммунисты неизменно занимались воспитанием юной смены. Мудрым наставниками и учителями пионерии были Н. К. Крупская, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин и многие другие выдающиеся деятели и государственные работники Центрального бюро, принимавшие постоянное участие на партийных съездах и конференциях. А. В. Луначарский и Н. А. Семашко, Надежда Константиновна передавала нам различные советы и пожелания Владимира Ильича.

Когда смерть унесла вождя революции, ЦК РКСМ обратился к «всем детским коммунистическим группам, ко всем пролетарским детям. Советские Собаки с любовью выражаясь: «Ваш долг не только скрепить звенья в единой железной цепи... Ваш долг ободрить ваших отцов и матерей, вселить в них веру в светлое будущее».

В те же дни пионерской организации было присвоено имя Ленина. На своем первом пионерском параде на Красной площади юные пионерницы торжественно обещали делегатам III съезда партии с честностью исполнить это наименование. И они сдержали свое слово, активно участвуя в создании социалистической индустрии и колхозного хозяйства в деревне, вышли победителями в тяжелой войне с фашизмом, возродили города и заводы, поднялись к звездам.

Мне и сейчас часто приходится быть в пионерских отрядах, и я вижу, что юные ленинцы семидесятых годов с честью продолжают традиции своей, теперь уже дважды орденосной организации.

Мамлакат НАХАНГОВА,
заведующая кафедрой
иностранных языков
Таджикского
педагогического института
имени Т. Г. Шевченко

Мамлакат было 11 лет, когда ее имя стало известно всей стране. Ученица третьего класса пионерка Мамлакат Нахангова была удостоена высшей награды Родины — Ордена Ленина.

В память нашего поколения на всегда осталась позунг: «Каждый пионер — солдат пятилетки». Я читала о пионерах, принимающих посыльные участия в строительстве Магнитки и Туркиска, Днепровска и Кузнецка. Чина и завидовала, хотелось и самой что-то сделать для страны. А в нашем

колхозе имени Ленина, что близ Душанбе, всегда не хватало рабочих рук, особенно в сезон сбора хлопка. Это же 1935 год! Хлопкоуборочные комбайны еще не было, весь хлопок собирали руками.

Мы на своем пионерском собрании решили помочь родному колхозу в уборке урожая. И стала наша отрядная хлопкоуборочная машина бригадой. Утром, до утра, мы шли в поле и после обеда возвращались туда снова. А в выходные дни работали, как и взрослые, целый день.

— Взрослый сборщик хлопка собирал тогда 13—15 килограммов в день. Это было нормой. Как же вам удавалось собирать 5—6 раз больше?

И сама... И сама... Наверное, очень маленькой была, и мне легче было с кустами хлопчатника, собираю это белое золото в мешок и все бегом, бегом. И никогда, насколько помню, не уставала. Потом в наш колхоз наезжали люди из других хозяйств приезжать ко мне за опытом. А что я могла рассказать взрослым!! Пошли на пир! «Сами смотрите! И собирая в тот день 102 килограмма. Оха-

ПИОНЕРСКИЙ ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.
ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МАРШ ПРОХОДЯТ УЧАСТИКИ ВСЕСОЮЗНОЙ
ВОЕННО-СПОРТИВНОЙ ИГРЫ «ЗАРНИЦА». ЮНЫЕ СПОРТСМЕНЫ...

зывается, рекорд у меня получился. Ученые бригады в колхозах нашей республики существуют и сейчас. На счету у них немало добрых дел. Во время войны таджикские школьники собирали 50 вагонов подарков для защитников Ленинграда. И я в составе ученнической делегации езжу в Таджикистан, чтобы поблагодарить бригады. А после войны мой земляк, звездный ученической бригады четырнадцатилетний Турсунали Маткаев, званный первым среди пионеров, был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Сейчас он главный агроном колхоза и по-прежнему много времени отдает ученическим бригадам. В Киргизии ученические бригады, как школников любят звать — эмэль и алгирономическую науку. «Малые технологии» существуют у нас почти во всех сельских школах.

— А какую помошь оказываете вы сегодняшним пионерам?

— Ну, во-первых, я умела двадцать лет тому назад педагогическую мысль, знала, что такое педагогика, понимала многое вожаками и учителями, тоже непосредственно работала с детьми, а во-вторых, я почетная пионерка одной из школ Душанбе. Принимали меня в почетные пионеры в тот же день, когда впервые повозила красный галстук моей doch. Она унаследовала студентка Ленинградского университета, а я по-прежнему хожу в ее школу на пионерские собрания. Недавно вместе со своей отцом, бывшим директором школы, Фарзодом «забытой», привезли мне собирались старые углы и кастрюли. Одна соседка сказала мне окружающие: «Вы как маленькая». Но сдернувшись я, рассмеялась. Соседка ничего не поняла, обиделась, а я просто свою мораль вспомнила.

**Евгений Иванович
МАРТЬЯНОВ,**
кандидат философских нау-
доцент Всесоюзного
заочного инженерно-
строительного института

В один из декабрьских дней 1943 года сочинская средняя школа № 9 была взбудоражена сообщением: на фронт убежал ученик 6-го класса Ж-

на Мартынов. И родителям и учителям пришлось устроить бдительность, потому что желающих последовать примеру шестиклассника было предостаточно.

— Убачьтесь на фронт я хотел еще

раньше, когда мы получили «похорону», — отец погиб при Каплином. Решите штормом фашистов. Сущий сахар, собирая патроны, но, как и куда убежать, не знали, что нам делать. И вот вдруг из-за горы на нас из пещеры военно-морского гарнизона поднялся Боря Юдин. Он был один из двух старших в 15 лет, кто получил медаль «За отвагу». Боря прослышил, что готовится морской десант «Керчь» [и сейчас трудно сказать, как солдаты чувствуют подготавливаем к наступлению] и решил убежать. Ну и к с. ним...

Добрались мы до штаба Азовской флотилии. Юдина, конечно, сразу на какой-то корабль определили, а меня хотели домой отправить. И отправили бы, если бы я неказался круглым сиротом. Меня тут же нарекли «сыном экипажа», поставили на полное доверие и направили в движущийся траульщиков, которым командовал старший лейтенант Антоненко.

— Ваша первая советская награда.
Когда и за что вы ее получили?
— Медаль Ушакова. Мы перепра-
ху.

вли в Крым десантников и оружие и назад возвращались с ранеными. Светло было. Фашисты заметили нас и открыли артиллерийский огонь, а потом и авиацией на нас бросились. Мы, как могли, отбивались. Я поднимал комедорампы пулеметные очереди. В первые минуты был меня ранено. Солдаты, которые были рядом, спасли, и перевезли меня — вокруг осенних колючих зарослей. Потом рану смазали, ее верхушка вместе с флагом упала с дна руки. Тут же началь наше счастье, а за корабль, потому что нельзя боевому кораблю быть без флага. Поднял я упавший флаг, дополз до корабя, кое-как поднялся и укрепил его на флагштоке.

тели в госпиталь отправить, матросы с нашего тральщика уговорили командование оставить меня в дивизионной санчасти. Там мне и вручил ме-

аль Ушакова контр-адмирал С. Г. оржков, нынешний главнокомандую-
щий ВМФ СССР.

Демобилизовался я в 1948 году, когда на флот только приходили мои товарищи, работали, учились. Почти одновременно закончил два факультета МГУ — геологический и философский. Участвовал во многих геологических и географических экспедициях. Считаю, что геология и помогли мне по-настоящему заняться моей любимой наукой — философской.

— Вам не приходится бывать в своей школе сейчас?

— К сожалению, нет. Но слышал, что в моей родной школе, которая осени императора Николая I Островским, есть музей. Будто бы есть в этом музее памятник Тимофею Заринчику, который на землях амурской уездной военно-спортной школы играл в футбол. о время пионерского парада я с большим вниманием наблюдал, какими отрядами юных моряков к пограничников, летчиков и космонавтов. Заринчику захватывал характеры ребят, светил им возможность овладеть полезными навыками, воспитывал будущих защитников Родины.

Николай АНИСКИН,
слесарь Московского
автомобильного завода
имени Ленинского комсомола

Николай Анискин — член комсомольского бюро инструментального тамповочного цеха Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола.

Он отвечает за работу с пионерами. А работы у него много. Комсомольская организация цеха является коллективным вождем пионерской дружины имени Героя Советского Союза

Петра Романова из школы № 654, Люблинского района.

Накануне 50-летия пионерской организации эта дружина была признана правофланговой Всесоюзного марша «Всегда готов!», а комсомольская организация цеха награждена Почет-

— Николай, как зародилась друж-
щая организация? — спросил я.
— В 1957 году в Красногорске про-
изошло первое заседание оргкомитета
«Молодежь за мир». Организатором
был я. Всего на заседании было
пять человек. Позже в Красногорске
заседания проходили в клубе «Дружба».

ба между рабочими вашего цеха и пионерами?

— Три года назад школьники пришли к нам на экскурсию. Мы водили их по залам, показывали, как рождаются автомобили, рассказывали о своей работе. А они нас привлекли на один из своих вечеров. Вскоре такие встречи стали традиционными, переросли в дружбу. И наша комсомольская организация официально взяла шефство над пионерской группой школы.

— В чем это шефство выражается?

— Мы часто встречаемся, вместе отдыхаем, например, в прошлом году, например, лучшие пионеры школы и космодрома — целая семья — большими группами приезжают на летние соревнования в Красногорск — деревня Старицы. Деньги для этого путешествия мы заработали на совместных субботниках. Но, наверное, главным в нашей работе с пионерами является воспитание у ребят чувства любви к труду, уважения к рабочему классу и его труду. И это не только потому, что я до конца мальчишкой мечтала о космосе, или великих открытиях, особенно важны показывать ребятам высокую романтическую, так называемых простых рабочих профессий, без которых не построить ни космического корабля, ни атомного ледокола.

— Ты же не забыл про гимназию? — спросил я.
— Гимназия? — удивился он. — Гимназия стала традиционной. Прогодят он очень торжественно, все школьники — от первоклассников до выпускников — участвуют в различных соревнованиях, состязаются юные скульпторы и художники, томари и судомодельщики, фрезеровщики и портные... Стругое жюри, состоящее из наших друзей-учителей, вручает им медали «Мастер — умелые руки». А подготовка к этому празднику длится целый год. Наши комсомольцы-волонтеры руководят в школе различными кружками, учат ребят обращаться с электро- и радиоприборами, токарными и фрезерными станками.

три года работы — срок необычайно короткий, к тому же трудно подводить итоги в таком деле, как наше. Воспитать хорошего человека и настоящего мастера совсем не просто. Должен только сказать, что половина выпускников нашей школы приходит на завод, об этом теперь мечтают и наше большинство друзей — пионеры.

Фото Владимира НЕЧИВИДЫ

БОРИС ГРДИЧЕВ

Комсомольский характер

О Карле Михайлове я услыхала еще до того, как мы с ним познакомились. Говорили по-разному, но примерно одно и то же: деловит, скромен, добр, умен. Зав. отделом ЦК комсомола Латвии Василий Шаталов сказал так:

— У него обостренное чувство времени. Нет, не в том смысле, что его день расписан чуть ли не до минут. В нем постоянно опущается потребность не давать прерваться связи времен. Связь сегодняшнего дня с будущим. Он остро чувствует, что будущее начинается уже сегодня, сейчас, свою минуту. Впрочем, не только чувствует он приближение этого будущего. Слабоходит, как бы с нарастанием ускорением...

Говорили, что он наполнен идеями, как аккумулятор током. Это сравнение употреблялось, так сказать, с учетом производственной специфики: Карл работает на знаменитом заводе ВЭФ и имеет диплом техника-электроприборостроителя. Он исполняет обязанности начальника бюро квалифицированных АТС. И непременно добавляли при этом: занимается будущим. Имелось в виду не только будущее завода, но и всей нашей телефонной связи.

Карл об этом будущем сказал весьма интересные вещи:

— После того, как мы освоим технологию крупносерийного производства герконовых реле, составляющих основу квазиэлектронных АТС, в связи произойдет революция.

Карл достал из шкафа папку с аккуратно подпинтными в ее бумагами: слова, моя, остаются словами, а вот не угодно ли взглянуть на документы? Убедительными были и фотографии новинки: вместо разноцветных проволочных жгутов — плаватые погоны, вместо паяльных пистолетов — микромодули, новыеные элементы, транзисторы. Кроме того, как он объяснял, станция абсолютно бесшумна в работе. Одним словом, если вы вспомните первый изофский послевоенный приемник «Балтика» и нынешний транзисторный ВЭФ-201, тогда получите примерное представление о том, что происходит с АТС, точнее, что уже начало происходить и в чем заводчане видят революцию.

— А что такое геркон? — спрашивала Карла, разглядывая небольшую стеклянную ампулу, в которую впаяны тонкие проволочки.

— Геркон? — переспрашивал Карл и смотрел на меня. Как же так можно, читал я в этом взгляде, не знать, что такое геркон. И он поясняет: Геркон означает герметичный контакт. Контакт осуществляется внутри запаянной ампулы, в которой находится азот. Концы контактов позолочены. Толщина позолоты шесть микрон. — И он продолжает свою мысль: — Сейчас все шире внедряются автоматические системы управления производством и хозяйством. Эти системы невозможно осуществить без

ГЕРКОН

ФОТО Альберта ЛЕХМУСА

надежной связи. Наш завод первым в СССР изготавливает аппаратуру для нее.

В тот день, когда Кара рассказывал мне о новостях, которыми занимается на ВЭФе, в Москве проходило Всеесоюзное совещание по применению вычислительной техники и АСУ. Министр связи СССР Н. Д. Пуцкий говорил на этом совещании о создаваемой у нас единой автоматизированной системе связи (ЕАСС). Для этого уже в девятой пятачке почти вдвое увеличены пропускные способности телефонных каналов. Еще больше расширится число городов, с которыми можно будет связываться по автоматической телефонной сети. К концу пятычка все союзки и три четверти колхозов будут иметь внутреннюю телефонную связь. Этап за этапом ЕАСС охватывает страну, обеспечивает надежную и быстродействующую связь.

И вот какую-то толику этого большого дела, этого дела, которое делает комсомолец Кара Микелашвили. Мы сидим с Карапом в огромном зале, где размещаются технологии. На стенах чертежи, груды папок, технологические карты, россыпи каких-то деталей. Пригнувшись, слышу радио: время к обеду. Здесь, в этом зале, не гудят стаканы, нет лязга металла, не вспыхивает дуга электроварки, не движется лента главного конвейера. Но именно для того, чтобы не было остановки, чтобы не было, чтобы слаженно обратили свой взор на зал, на зал издали с маркой ВЭФ, занятым десятками технологов. И среди них Кара Микелашвили.

— Мы немножко отстали от зарубежных фирм по объему выпуска герконовых рееле, — говорит Карап. — Но это не беда. Вот эта цифра означает количество авторских свидетельств. Их, как вы знаете, выдают, когда придумываешь что-нибудь принципиально новое. Их ульбается. Как это говорили в старину: мы медленно запираем, но зато быстро эдем!..

На столе у Карапа лежит лист, на котором расписана технология изготовления какой-то детали. Рядом в коробке сама деталь: полистироловые пластины, усаженные частыми рядами блестящими точками.

Кара, что это за штука? И в чем тут сквозьпанье название «эксолог»? Деталь ведь уже готова.

— Готова, — соглашается Карап, — но это для опытной партии. Конструкторы заложили в проект наибольше выгодную для них толщину этой детали. Одни из технологов предложили контакты в ее запрессовке. Но никто не выдергалка. Как закрепить контакты? Вызвали меня. Поскольку, понимаешь, давайтесь, говорю, закрепим ее с помощью эпоксидной смолы.

Он подал мне деталь. Вокруг контактов видны желтковатые прозрачные наплыны. Я потрогал контакты, пытаюсь их распаковать.

— Ничего не выйдет, — сказала Карап, прерывая мои усилия. — Эпоксидной смолой склеиваются детали, мостки в здешней науке мизерия. Так что я тебе сразу придумала! — выразилась у меня.

— Как вам сказать? Для нескольких изделий — да. Но у нас нет идет на десятки тысяч. Нужно другое.

— И придумали!

— Кое-кому тоже казалось весьма заманчивым и простым крепить контакты с помощью эпоксидной смолы. Пришлось вооружиться цифрами, принять затраты в несколько часов, принести к вычислителю технические данные, найти оптимальный в техническом плане способ крепления. Олимп словом, попотела в изграждение. В итоге решили делать вот этой технологии. Здесь у контакта выходит, что утолщение. Это все поддается обработке на автоматическом станке. Это и есть влияние технологии: детали по-современному.

Он пришел на завод, как только получила его заявка. Долго ждал, и с обрадованностью, ширящими бровями и с горой курток, из рукавов которых торчали длинные руки с широкими и крепкими ладонями. По лицу ламборгина мог видеть: они знакомы с ладонью, из них не высоколазит ни рымбак-кожа, ни молоток.

— Кем хочешь быть, парень? — спросил его в его отделе кадров, потому что спаспорт и справка об окончании восьми классов кадровику ничего определенного не говорили о качестве образования. Карап — Карл Микелашвили, уроженец Грузии. Что делает Карап на два рулона?

На острове Самсунг умывались членовеком был электрик. По вечерам он занялся дизель и, выждав, когда диваны заберут нужные обороты, включал рубильник. И тотчас же в домах и на столбах вспыхивали яркие лампы, а в некоторых начинали зевановато мерцать индикаторами в приборах с тремя батареями буферами. УЕФ.

Что, что ты молчишь? — понималась кардинал, впрочем, никак не серчая на первогородчика своего пришельца: он понимал смущение паренка. Знал кардинал и другое: редко кто потом вспоминает его. Но тут уж ничего не поделаешь. Жизнь есть жизнь, и если постоянно глядеть на нее, то она, конечно, не уйдешь. И, вздохнув, он уже собралось выпустить направление, где радиопроизводство, но виновок склонил голову.

— Я хочу быть электриком.

— Будь — словно волшебник, сказал кардинал и протянул Карапу направление в электротехнике. Так Карап стал учеником у электрика Ильмарса Шреберса.

Своего учителя Карап звал почтительно — мастер Пол-Атаманский это звучит так: мастер.

Был Карап мальчиком в один из первых дней отпуска, не сорвавший дидактическую Кара прибежал в бухту для перевода дыхания. Он стоял перед электриком и сметтою теребил кепку, которую снял, словно пронившишись школьником при виде грозного учителя.

— Накройся, — сказала Ильмарс, — здесь не церкви и не школы. — Он помолчал и продолжал: — Опоздывать негоже. Но это не самое худшее. Я вижу, ты изобретатель и советский, и вот это самое главное. И еще... Мастер улыбнулся и глянул Карапа на плащ: — Тереби мы с тобой одно дело. Что умею — отмечу тебе. Но и сам скаживай. Обгонишь — не обижусь. Разве на себя обижаются? Согласен?

— Согласен, мастер! — почтительно выдохнул Карап.

Почтительность вначале шла от малярческой застенчивости. Карап еще не знал другой почтительности, той, которую испытывают к человеку, который делает больше, чем ты. Другая почтительность привнесла потом, когда Карап учился в производственно-техническом училище, окончил полный курс и получил специальность электрик второго разряда.

Снова электротехник, снова в подручнике к Ильмарсу Шреберсу, снова, как прежде:

— Здравствуйте, мастер!

— Но мастер нюхал головой:

— Зови меня по имени.

Кара приятно: не только он почтителен к мастерству своего первого учителя, но и мастер ценил в нем появившиеся умение и знания, ценил и вспомнил, что Карап умел с собой. Еще знает Карап, что Ильмар для получения второго разряда когда-то потребовалось чуть не втрое больше времени, чем ему — его ученику. А движение с нарастающим ускорением всегда у рабочего человека цениится: значит, есть силы, энергия, цель.

И впрямь с большим запасом прочности оказался парень с острова Домбре. Нередко некоторое время ушел Карап в изолированные места, а между тем работал. Объясняла: хочется самоизолированности, встречи с исключением, когда нужно быстро и без ошибки устранить повреждение и дать ток. К тому же дежурному электрику легче выкроить время для учебы: надумать поступать в заводской вечерней техникум. Ученика Ильмара: внимание, слова придуши в электромонтажном цеху.

Кара рассчитывал получить диплом через шесть лет. Но не получилось. Ушел в армию. В армии он служил помощником инженера по производству учебников в школе младших авансаэлистов. С армейской поры — строевой разнорабочий племя и высоко поднята голова. Карап постоянно говорил коллегам-новичкам: с опущенной головой далеко не уйдешь.

После службы он вернулся на завод. Хотел снова уйти в электротехнику. Но его направили в отдел главного технолога: помимо склонности к аналитическому мышлению, замечено еще во время его учебы в техникуме, учащий производственный стаж, но и последовательность работы сыграли то обстоятельство, что завод с Карапом, где годами увеличивал выпуск продукции, а следовательно, нужно было будущему инженеру генерировать.

В будущем он тоже временно оставил производственную стацию большого тиража на большой емкости. Станица называлась нежным словом: «Облакок». Она могла без участия телефонистки соединять абонентов в разных городах, стояло лишь набрать нужный номер на диске своего телефона. Тем, кто участвовал в работе с «Облаком», на заводе завидовали: станция такого типа была первой в стране.

На новом месте Карап работал с увлеченностью, с удовольствием, с интересом и участью, не сорвавший дидактическую Кара прибежал в бухту для перевода дыхания. Он стоял перед электриком и сметтою теребил кепку, которую снял, словно пронившишись школьником при виде грозного учителя. Нет, не гадай. Надо открытое объяснить Ильмарсу, почему изменила свое настроение. Улучша время, запечатлев краем Шреберску. Покурил, похлопал друг друга на плечи:

— Ого, возмужал!
— Да и ты счастье хоть куда!
— Опять к нам?

— Нет, Ильмар. Понимаешь, так складывается, что в отделе главного технолога я присущу заводу больше пользы. Ведь скоро у меня будет диплом техника. — Сказал, и стало легче: Ильмар слушал внимательно. — Сам знаешь, производство у нас с каждым годом растет. А у роста закон: увеличивается объем работы — больше требуется специалистов, в том числе технологов. Вот я и стал технологом.

Ильмар звонко сагригетом дымком, звонко сопутила газы:

— Ты меня когда-то мастером звали.

Мастером — в смысле начальником. Тебя я буду звать тебя тебя начальником. Присяжником буду звать. И знать почему? Чтобы ты скорее стал мастером в новом деле.

— Спасибо, Ильмар!
— Будь здоров, присяжник!

За окном комната, в которой мы сидим с Карапом, впереде. Переиздеваются самодельными бегущими строками изображения, одна из изображений корабля. Модели кораблей сообщают об успехах завода в различных новых. Такой газеты нет ни на одном предприятии Промлесского района Риги, а ведь вокруг ВЭФа их немало: вагоностроительный, «Ригхимаш», мотоциклетный, «Авто-

электронприбор», Рижская ТЭЦ, ВЭФ по праву считается первым среди раз-

волосе Карапа звучит сдержанная гордость, когда он рассказывает о заводе. Предприятие, которое еще в годы буржуазной Латвии. Но в условиях борьбы за существование ему приходилось быть членом не национального хозяйства: изготавливать электролампочки, фотобумагу, уголь, карбоновые фонарики, спортивные самолеты и даже гвозди. Гвозди — вещь, конечно, нужная, значимая ее не оспаривает. Карап это знает, сам видел, как в летний сезон, когда открылись бассейны, на пляже Домбре, над которым стояла изолированная ограда, скапливается волна из людей, которые пришли на воду изолированной Рижской ТЭЦ. Но превращая электротехническое предприятие в позднеклассическую мастерскую!

— Впрочем, это дело хозяйственное, — говорит Карап. — Невозможно, до чего бы такие хозяева довели страну, если бы не коровской гордой.

Кара молод, но из книг и рассказов он знает, что для того, чтобы создать ВЭФ необходимо было построить плотину на реке Даугаве в 1940 году, буржуазному государству потребовалось двадцать лет. В Советской Латвии благодаря братской помощи союзных республик производство силовых установок на ВЭФе было восстановлено по сле- вай для два года. В десять раз быстрее было достигнут предыдущий уровень выпуска телефонных станций, радиоаппаратуры, телефонов и других изделий. Ныне завод изготавливает изделия ВЭФа, в том числе из главных восточных телефонных станций. В девятой пятачке завода на одну треть превышает производительность труда и в полтора раза увеличил объем производства.

Но скоро, для меня явилось неожиданное, что из ВЭФа в основном изготавливают радиоприемники, а АТС, телеграфные и телефонные аппараты. В новом пятилетии производство АТС, радиоаппаратуры, телефонов и других изделий. Ныне завод изготавливает изделия ВЭФа, в том числе из главных восточных телефонных станций. В девятой пятачке завода на одну треть превышает производительность труда и в полтора раза увеличил объем производства.

Я слушаю Карапа, и мне все яснее становится, почему ему уже не первый раз избирают комсортом отдела главного технолога. Есть в нем, опытном и знающем производственник, что-то располагающее к нему людей. В чём истоки его обаяния? В непоколебимой уверенности Карапа в значимости своей работы, в производственном духе, в котором он живет в его глубокой любви к своему предприятию.

Объясняется эта — прямое продолжение той, которая была у первых латышских комсомольцев — Освада Дзениса, Артура Кадикиса, Яна Крузе, Фели克斯а Линдниса и других, когда они в конце февраля девятнадцатого года собрали первый съезд Союза трудовой молодежи Коммунистической партии Латвии. В девятнадцатом году, то есть в 1940 году, в журнале «Лубанс, комсомол» мы «не собираемся стоять в стороне и быть наблюдателями решающих событий. Мы должны пойти, и мы идем на борьбу, мы идем туда, где проявляется наша волна братства и отцы, мы становимся рядом с ними на баррикадах, рядом с их простреленным в боях знаменем мы поднимем свое молодое знамя. Мы идем вместе со всем пролетариатом на атакующую борьбу за коммунизм».

И еще об одной гране характера Карапа хочется сказать. Мы, мол, думаем, является ли обязательной для комсомольского активиста — умение организовывать?

Как-то раз, — рассказывает Карап, — комитет комсомола завода поручил мне провести смотр-конкурс технического творчества молодежи. Комсомольцев на ВЭФе около двух

с половиной тысяч. Разве одному мы можем справиться? Встретился с Ивоном Грубе, он инженер-конструктор, возглавляет совет молодых специалистов. Затем созвалась с комсомогом технико - исследовательского отдела Азмехима Гульнара Абдесова, начальника межотраслевой лаборатории. Абдесова сказала, что в этом смуте без отдалы НОТ нам никак не обойтись. Так я познакомился с молодым инженером Майей Рейтере... Короче говоря, когда в комитете комсомола собирались все, кто должен был принять участие в организации смотр-конкурса, то есть комсомоги цехов, отделов и тю товариши, о которых я только что говорил, мы почти ничего было делать, понимаете?

— Работа пошла сама собой?

— О-о, нет, — взорвалась Каря и замаялась. — Просто я хотела сказать, что если большую пиону разложить на небольшие дюймы, то на них можно гораздо дальше и быстрее. Вот когда мы такой акции создали, то и следующее задание комитета — провести конкурс молодых рационализаторов в стенах ХХIV съезда партии мы выполнили с блеском! Победили в этом конкурсе и получили золотые медали Всесоюзного союза рабочих землемеров Всесоюзного, а среди ИГР — Артур Гильевич. Они тоже теперь стали национальным акционером.

По главному конвейеру радиопечати двигалась ничем по виду не отличающаяся от других трансграничный приеник. Он не спаралась из днепропетровской завода, звонком из редакции многотиражной газеты, цеховой лузонки писал в его честь лузонку. Уже было известно, что Каря одна, опровергнутый от предложений семьи с половиной скандумами, минует последнюю операцию. Ею ждали потому, что это был трехмиллионный премиум типа «ЭФ-201».

«Новорожденных» чествовали на митинге. Каря стоял среди других заводчан, слушавших в划定 выступающих. Среди рабочих он заметил Ильмарса Ширбеса и хотел было привлечь его к себе. Но людям стояло плотно, и пробраться к месту не было никакой возможности.

Кара давно не был в электротехнике. А надо бы. Чего доброго, Ильмар решит, что после того, как в заводской газете поместится фотографию комсомольского активиста Карла Микелсона, бывший ученик совсем забыл о своем первом наставнике. И Каря пристыдил себя: надо обрадовать автора митинга встретиться с Ильмаром.

Выступающие говорили о роли технологических служб, о том, что благодаря механизации и автоматизации производства и переводу всех массовых изделий на поточную-механизированную линии, благодаря внедрению электроники — высчитываемых машин в управление на заводе в новой пятиакте больше чем на треть увеличился производительность труда. Когда упоминали о роли инновационных предложений, Каря вспомнился взглядом с Ильмаром. Тот улыбнулся: вас ценят, но и без нас не обойтись!

Увидев эту знакомую, дружелюбную улыбку Ильмара, Каря вспомнил давние слова электрика, сказанные пареньку в первые дни работы: «Теперь мы с тобой одно целое. Что умею — отдам тебе. Но и сам скажу ты. Обогнешь — не обижусь. Разве на себя обижаться?» И Каря еще раз улыбнулся, вспомнив слова первого наставника. Ведь то, о чем ему говорила когда-то Ильмар. Каря лишь недавно, задумав поступить на экономический факультет университета, вычитал в одном из учебников: знания и способности одного служат не границей, а продолжением знаний и способностей другого. Наверное, это и есть основа формулы ускорения.

**50
ЛЕТ
СССР**

“ЧЕЛОВЕК, ШАГАЮЩИЙ УПРЯМО”...

«Человек, шагающий упрямо, может свой одолеть понемногу...» — пишет молодой туркменский поэт Сапар Ураев. За этой сдержанной строкой открывается целый мир, требующий от человека трудолюбия, долголетия, мужества. Пустыня, аисты, птицы, пустынность, неравнодушие, но и неизменная опаска опасности, сила с ящиком, подвигом пути через пустыню — к лодкам, к кишлакам, щебечущим листьями молодых саженцев, к номадам кынапалы и озялым жицам. «Горы, горы, надежды свет зелений, земной надежды негасимый свет», — восклицает Ураев. И за этим восклицанием, за кратким языком надежды будущего — человек, который прегородил елеем цветами радуги в жарких песках.

«Когда в арыках забуряют воды, когда ты хватишь нетра покой группы, когда откроет двери склад с семян... — эпид, что привнес в Туркмению весна», — говорит Ураеву Александру Хайдов. Неизвестно вспоминая чисты замечательного русского поэта Владимира Луцковского из книги «Богатыри, пророки и великаны». Не случайно же Хайдов, привнесший в Туркменскую союзную республику чистоту и порядок, не скрыл этого, соединив в своих стихах национальный колорит древней позиции своего народа с революционной направленностью и приверженностью, рожденной теоретиков Маяковского, Багрицкого, Луцковского.

Среди Азии вообще занимает особое место туркменская русская поэзия. Пожалуй, трудно было бы называть хотя бы одного из мастеров литературы, побывавшего, например, в Туркмении и не создавшего потом от этой республики стихотворных произведений. Не явлется исключением из правила и Анатолий Преловский. Нет, Преловский никак не мог ограничиться в теоретической своей поэзии одними переборами туркменского, хотя эта работа и заслуживает его. Снилась сныники почты Нисса, снискали художественную осень, скользили в миражной дали придуманные верблюды. Все это стало стихами и — неожиданно! — однажды породило работу над переведами, или перед русскими поэтом были не только сухие строки подстроек — его душу покорили сама древняя земля, целичательные воды реки, в которой «даже глина пахнет вечностью песчаной».

Сапар УРАЕВ

Маяк

Когда заходит солнце, и притихнет природа, и ночная исходит мрак, над темными морем одиночно вспыхнет для всех людей и кораблей маяк.

Рукою человеческой зажженный, горит он, от опасностей храна. Ни страхи воли, ни ветер исступленный не в силах загасить его огня.

Указывая путь во тьме бездонной, где никому от воли пощады нет, гори, гори, надежды свет зелени, земной надежды негасимый свет.

Ночной ветер

Уставши после трудового дня, мон односельчан все усилия. Не спит лишь тополь, сон людей храня в бессенном и бессонном карауле.

Не надо, ветер, не шуми листвой, поспеши выпустить дай: вот пролетает муха, вот курчма настеснен меняет свой, вот кошка, мыши поймав, мурлычет глухо.

Не надо, ветер, си я набирая, чтоб тво солнце встало над долиной, чтобы был разбужен мой родиной, край лишь чистой звонкой песней соловьиной.

Дороги

Разбежались по земле дороги, соблазнивый в путь даленный. Но мена, куда ни шел бы я, вечно встретят мылье края.

Провожая, выйдем на дорогу. И, встречая, выйдем на дорогу. Человек, шагающий упрямо, путь свой одолеет понемногу.

Но куда бы ты ни шел, ни ехал, поздни останется, как веха, дом родной вблизи родной реки, где живут родные старики.

Где бы ты ни был, ты туда вернешься, от родной земли не оторвешься, потому что только с нею мы сами собою оставшись.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

Нисса

Дребезжит ручей старинно, то веселый, то печальный. В старой Ниссе даже глина пахнет вечностью песчаной.

Годы, возрасты и сроны заставляют помянуть. Черепки на солнцепеке — след империи великой.

Отслеживающие кувшинки, отработавшие чаши, вазы где теперь мужчины, женские где джинсы ваны!

Я бы жил светло и чисто, если бы не знала печали, что античных дев мониста безмыслием отзываются.

Я бы встретил смерть без страха, если бы верил, что потомкам безблагородной горсткой праха расскажу о вене громком.

Так разделяя на прощанье, душу холода и грязи, кобылиц парфениских ржанье, еле слышно сквозь времена.

Верблюд

Плевши, задумчив и тяжел, красив, как на картине, он по шоссе в пустынешел — по самой середине.

Ходили ходуном бока, глаза глядили тощко на безыскусственность песка и чудеса бетона.

Ему снегами, но он не уступал пространства, шагал, как в битве фараон, — упрям и беспространно.

Шагал, и все тут. По прямой. По правилам юрисдикции. Как символ вечности самой. Как жизни утверждение.

И суетный двадцатый век, подвергенный гордые, смирил своих жестокиев перед поступью пустыни.

Фирюза

Научи меня не торопиться, дисциплини солнца и песка, чтобы ми в барханах заблудиться как пополодунданская река.

Научи меня не удивляться, опыт ублажающих веков, чтобы ми с наивностью расстаться и набраться мудрости песков.

И тогда, различный и волнистый, все тревоги позабуду я — сяду по чайной чашечке и пить вино да слушать соловья.

Туркменский Каспий

На каспийском коварном просторе навсегда ослабел суховей, и пустыня обрушилась в море всей беспытственной мощью свое-

Сингелазия прибой набегает на сухой медоскунтый прибой, и от встречи стихий возникает побережья рисункой рабой.

И, конечно же, от стихии двух извечных смертных врагов родились города и селения — нефтяные цветы берегов.

Где под краснопесчаным нагорьем
комиссарят настийский прибой,
я хотел бы с пеками и морем
породниться последней судьбой.

Как домов белокрылая стая,
угнедзится в притое орлов,
чтост солью земли присыпая
опресненную кость валов.

2

Мена томил жестокий свет пустыни
и чумчий запах влажного песка,
а побережье в дымке бело-синей
не обещало даже ветерка.

И этот лес, бесстеневой и редкий,
лес члененых высоких нефтяных,
ни птиц не отклинулся на ветке,
ни родников не предложил своим.

Невидимая шла в земле работа,
невидимая в трубах нефть неслась,
и лишь насосы взменионе от пота,
над ней свою осуществляла власть.

А я своим продлить не властен сутки,
чтобы, забыв, что свет, что грешно,
за квартованный шагом монумент
поспеть к жилью, где живу —
не суждено.

Аллаберды ХАЙДОВ

Приметы

Когда в армыках забурлит вода,
когда ты хватишь ветра полной
грудью,
когда откроет двери склад санки,
когда недосыпают трактористы,
когда не добрь до бригадиру,
когда трава спешит подняться
к солнцу,
когда все птицы радостно поют,
когда урюн пахн и бело-розов,
когда на север пролетают гуси,
когда вламна туманной тучи тень,
когда из-под речки выходит соловей,
когда птенчик учется кричать,
когда на каждой девашке обнова,
когда чисты дворы и тротуары,
когда лица печального не встретишь,
когда рождаются новые поэты —
зная,
что пришла в Туркмению весна.

Руки

Вот карта Туркмении милой:
пустыни и горы,
дороги и реки ее, и солнца
во всем многоцветье подсолнух
устремленный и судеб
легко на листе уместился,
его изукрасила значками.
А вот мои руки. Похожи на карту
Туркмении милой:
ладони изрезаны лентами рек
и канавок,
а мускулы верно круглятся
под кожей, как горы,
и с твердостью камня мозоли
поспорить готовы.

Рабочие руки мои не боятся жары
и морозов,
привычны они к серпу, и к рулю,
и к винтовке,
и счастлив в тем, что они как две
капли похожи
на руки любого дехканника в нашей
Туркмении милой.

Керим КУРБАННЕПЕСОВ,
народный поэт Туркмении

Отец, мать, жизнь, голова

Отец один затем тебе дается,
чтоб ты его дорогу продолжал;
и пусть в твоих свершениях отзовется
все то, что он когда-то начиндал.

И мать одна затем тебе дается,
чтоб ты ее любить не уставал;
а каково без матери живется,
спроси у тех, кто матери не знал.

И жизнь одна затем тебе дается,
чтоб счастья был от мысли, что живешь;
но, разлюблю людей, и труд, и солнце,
на зверя ты становишься поклон.

А голова одна затем тебе дается,
чтоб ты своей свободой дорожил,
не занимал бы знаний где придется,—
как люди, думал и, как люди, жил.

Секунды

«Раз увидеть — важней, чем услышать сто раз» —
эта мудрость принца и нам от древних людей.
Но сейчас о другом поведу я рассказ:
о глазах, что намного слабее ушей.

Сомневаться в словах моих ты погоди,
и уху блаже часы поднеси — и сплюни
ты узнаешь [лиши только сумей, проследи],
как проходят минуты, года, времена.

Так-так-так — пробегают секунды. Куда!
А туда, где безвременье, бездна, ничто.
Потеря хоть мгновенье, скань — и наследа;
то, что ты обронил, не поднимет никто.

У другого и время другое — свое! —
по-иному часы и минуты летят.
[Как проходит, как движется время твое,
не заметил усталый, поверхностный взгляд.]

Ухо глаза точней; на часы не гляди,
но прислушайся к звуку секунд — и сплюни
ты узнаешь [лиши только сумей, проследи],
как весомы минуты, года, времена.

Мы можем проплыть — пролететь расстояния,
промчаться — проехать земные пути,
но счастья лишь тот, кто бывал в постоянные
дорогу пройти.

Когда о жизни размышляю я —
смерть ходит около, и чувствую, что злится.
Когда о смерти размышляю я —
жизнь на меня обидчиво косится.

Давайте, люди, трезво рассуждайте:
и жизнь и смерть — всественные царичи.
Живые, жизнь не будем обижать,
а смерть — пускай на нас до смерти злится.

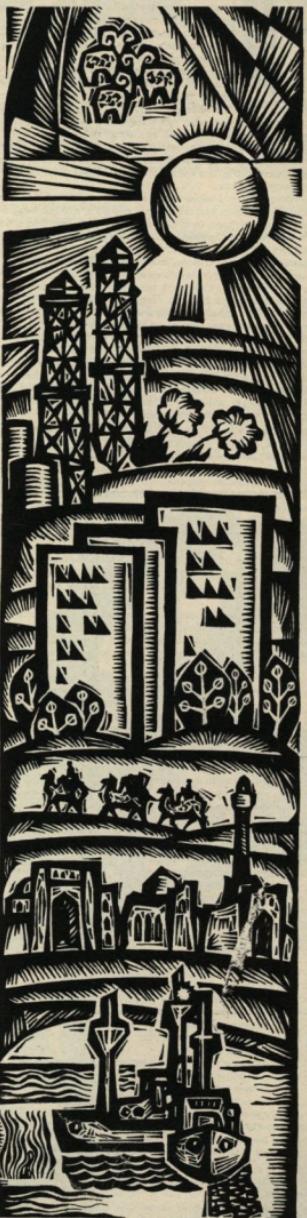

Рисунок Владимира Дельбы

— У нас тоже была кошка, — сказал отец Аси. — Гуляйте, гуляйте. Листья падают.

Ася молчала, и я подумал: как можно так долго молчать! На ее плече лежал узкий желтый лист. Как будто кто-то взял и украсил Аси.

И мы пошли дальше. Между нами выросло серебряное пространство.

— Дома начнутся расспросы, — сказала Ася. — Что, почему? Как на базаре. — А ты скажи им, что решила заняться парашютным спортом. Три прыжки каждый день. Перепады высот не играют никакой роли. Готовившись в чём-нибудь.

— Зачем? — удивленно спросила Ася.

— Ну, они перепрятаются и начнут говорить о другом. О спасении утопающих. А ты продолжаймуряй: «Позвольте в небо мне сойти».

— Чудак ты, они же родители. А это песня, что ли, такая: «Позвольте в небо мне сойти? Я не слышала».

— Формула жизни. Однажды я ее вычислила.

— И что же получилось?

— Смерть, — сказала я.

— Ты так говоришь, будто уже умирала.

— Каждый человек умирает несколько раз. Не волнуйся, Асенька, ты будешь долго жить. Дышите глубже, шагайте тверже.

— Ты погрустнее и стал жестким, — устало сказала Ася.

— Извини, я не могу. Пойду. Я позову кого-нибудь, куплю мозгов. Я тоже для этого подышала, поклонилась и попытал пинцетом через деревог...

А потом Ася говорила, точно метала в меня слова, как снежки. Он

и растерянность. Волосы западали на глаза, и Ася их отбрасывала ребром ладони, словно рубила воздух. А вокруг нее стущда с сумраком.

— Господи, откуда это у них. И, главное, глаза со всех сторон. Понимаешь, как фонари. Или со мной что-то случилось, но какие-то плавающие глаза. Он

татарин, говорит, ты подумала? Ноги заставят мыть... На колени. Они с женщинами не перемонятся, говорят, будь уверена. И все в таком духе. Страшно.

Как будто ты мне садаю плахование. Так ведь убивают. Медленно. Скажи, что все это несправедливо. Напр. Сказки, мие надо.

— Дикость какая-то. Балда.

А про себя подумала: неужели засомневалась? И в голове загнило и затрепало: «Мыть ноги... пить воду...» И ясно увидела трещину. Она рассекла воздух, как белки молния при сухой грозе.

— Пойдем, — сказал я. — Вылезь газировку в магазине. Я как огня наглотался.

— Ты говори, говори. Напиши Успокой меня.

— Эх, Асенка, — сказал я. — Тебе и позовольте в небо мне сойти...».

Я написанно смыв писью. А она мне вправилась, испуганная, как птица. Аси, и не так-то просто будет ее забыть. Очень непросто. И вот ведь как «сломала все отточенные караиды». Представляю.

Я законахи трудный проект. Последние дни приходилось сидеть ночами. Воспаленная голова не поддавалась силу. Я проглатила дозу таблеток, но сна все-таки не было. И у меня начались нервы — так, сказать знающие люди. Слава Богу, дело подходит к концу, и я кое-как дотяну. В душе было горячо, как от моря, из которого я только что вышла. Я вспомнила, что я — птица. И не та самая птичка. Аси и поддернулась под руку. Она всплеснула чистенкой, только что из парижской мастерской, душинкой, как медовый прополис. Я сидела передней небритый, нечастный, как сток заброшенных в никуда чертей. Если бы она поняла меня в тот момент... Аси остановилась у стола, тронула легонько волосы ададоину и посыпалась:

— Накрия, как делая фабрика.

Вот здесь меня и разорвала неведомая сила. Я сказала:

— Вы похожи на испорченный торт. Терпеть не могу сладких проектов. Надо облизывать пальцы. Я давно уже не вижу вашего панциря. О чем теперь его речь?

Она, конечно — «фи!» — было у нее такое спасительное словечко. И посмогрела на меня, как на обреченного. За ее спиной стояло в окне солнце.

— Жаль, что нет человеческой химистики. Прополоскать бы тебя, почистить, полынья весь... — сказала она тихо и твердо. И поступала как бабулями прочь. Шелкнула линейкой, словно убила мууху. — Между прочим, сегодня кто-то умер. Вы не догадываетесь, Скандинавия? — Это она меня так называла и в хорошие минуты говорила, что во мне есть что-то германское. А им мое — Напр. я кайфую, когда я вижу свою маму. А когда моя только вдвоем. А Скандинавия? — мэр для меня разумеется. Испарилась.

Ребята не догадывались, какие разрывные пули свистят в комнате. Они просто занимались делом, да и Аси выплевала каждое слово вполголоса, с асаковой независимостью. Мало ли о чем там задумался человек, пусты и поговорит, если хочет.

Так закончилась наша мирная беседа. А назавтра я сдал проект, и мне подали руку. Потом мы с Глебом сочинили для меня пущущее. С Асея я попыталась простииться и даже ее руку взяла, но она так газнула, искося что все слова и претензии улетели в окно. Ее глаза были блестящими, как вспышки на сирене. Неожиданно прошептала Ложка, длинные капли горели на солнце, и мир сверкал, делился счастьем на дороге, и было хорошо стоять на крыльце в окружении легкого шума падающей воды. Она наслася по склону, синился в ручьи. Но дождик промелькал, и не успев насладиться землей. Руки затихали, все вокруг было ясным и свежим.

Безделье мне порой надоело. Книги не спасали. На венчике жгли крокинки, пахли цветами, собирали ягоды, сажали траву, выращивали настурции и другие цветы, разводили рыбок в аквариумах. Ещё вспоминали про старые куклы, ободавали смехом, как только применяли магнитную ветку. Грибов, конечно, еще не было, но ранняя спиртность опушки привлекала неизвестно зачем в колючую тину эльфика и там попарить щадыми глазами на всякий случай. Крупные капли сипались на лицо, и сердце билось, как в детстве, когда отворяешь скрипучую дверь в проходящем подземелье. Непонятные звуки ходили где-то рядом, и верилось, что вот там, за пропащающей хвойой, дышит с легким присвистом умирая лосиха, визилявшая пахучий ствол. В лесу было неуютно. Влажные синие колокольчики стояли непротиворечиво, чуть прислонившись к темной коре, а сажевые слоями окраиной должностного сигнала, когда мороз будет сильнее, вываливались из-под снега.

У меня был короткий, теплый в белую погоду день на чистенке подиумке. Я удобно пристрившись на нем и думал об Асе. И потому, что никакой посторонний звук не нарушил устоявшегося покоя. Аси тоже была тихой в моих мыслях, с потемневшими, неморозящими глазами, покусывающими какую-нибудь травинку, задумчивая, как все в лесу перед ожиданием спрятанного за облаком солнца. Но Аси не была бы Асеи, если бы стояла так долго и молча, и, хотя ее создало мое воображение, она и здесь принималась варур торшомить деревья и ловить ртом звучные капли. Не клешила наша с ней тишина. Я выбиралась на тропинку и будто оставала Аси одну, уходя непреклонно и гордо, как человек, который знает, что он прав. Извини же, и настави: «Ни за что!» — а на повторе нечаянно обрадовалась — там, где у них была приятная тропа, лежала оброненная с неба золотая пыль солнца.

Я снова возвращалась на веранду. Крокли спали. Я садилась к столу и раскрыла книгу. Это было слово: Даа. Я пряхтала с собой один том и читала его все уже который день как спокойный, ясный ронм человеческой жизни. На лежат, старой бумаге словеса лежал чистый лист. Я рисовала человечек: точка, точка, запятая, минус, крольца крольца... Хозяйка Варвара Саввиши разбудила меня, засунувшую право за столом. Наверное, так ровно шумел сад, что я забыла, над написанным именем — «Аси». Мать Глеба присаживалась редышком, улыбаясь моему недоумению.

— Притомиша. А я тебе пирожки румянные принесла. С пылу. И чайник с кофеин привезла. Пойдем ужинать.

— Ужинать? — удивился я.

— А как же, времени-то сколько набежало. Туман пад.

Я вспыхнула на крыльце. По пыльным лескам тумана, и языком дома выгадывала скользко и печально. Волны забора кумас-лесочиницы шла вальсом и стучала пальцами. Покоже, она старалась власить мир пурпур. Ворона синилась со стомы и подлетела ниже над землей, не взмокшая крыльями. Кобицки перетонили с пастбищами пленена, поддернувшись свет скользко? Все было словно затянутым мелким сеточкой.

Напротив у ограды стояла женщина в наброшенном пальто и тоже скользила сквозь туман загадочно неподвижно. Потом она ушла беззвучными шагами, скользя, как волна в академии суммы-снег.

Варвара Саввиши устроила дождь, а я сидела у стола. Она сидела на кухне кумас-лесочиницы, и от нее всегда висело пахло печеным тестом и курятиной. Маленькая, толстенькая, она принималась суетиться с утра, как при показе мод, и успокаивалась только к вечеру за домашним ужином. И тогда глубоко вздыхала перед длинным разговором. Она обрадовалась моему приезду и добрым вестям от сына, которые я принес с собой. Сын писал ей, что она подлечила меня добротой, а тут, мол, и сам прибуду. И у нас получалась хорошая дружба. Одно то, что я дружила с Глебом, решило все.

— Ты же сядь на место, — в которой раз спрашивала Варвара Саввишина. — Девушка у нас пропала!

Пряталась мысль. Мы с мим остерожные.

— Абайчике босесь?

— И это. Больно уж они одинаковые стали. На одно лицо будто.

Закрасились.

— Ну да.

Притешишь, глядите. В холостяках ходить — воду мутить.

— Ох, на работе... — сказал я — девушки, караандыши ломают.

Нервные. На кобакбулаках качаются, прически сочиняют.

Поскучать полезно, — сказала к чему-то Варвара Саввишина. — Оточка ты маленько, а то с ази бы, как матрица застриенная. А теперь и поглядеть можно.

Ага, рукою.

— Глеба написала мне.

— А кто напротив живет? Странная. Каждый вечер у дома стоит, чего-то слушает. Соловьев, что ли? А то куда-то идет по дороге.

— На стацио, на стацио, — сказала Варвара Саввишина. — Милануша Аскерова.

— Вот и я думаю, куда ж еще. Перед потенками прямо с холма вниз.

— На стацио, на стацио, — повторила Варвара Саввишина. — У нее оживление болит.

— Какое? — осторожно спросила я.

— Вообще-то она городская, а у нас вроде прижалась. Бревалла тут однешенчика. Сына в армии проводила и к нам переехала, чтобы поменять раздуз. Он тоже висел здесь, тихий таком участничьий. Мне дровники покоряли, когда я впервые увидела его. Тогда-то пропала, погиб, значит. Чего там страшно, уладить все можно. Только получила она бумагу и затворилась в себе. Не вина время, а смерть пометила ее сыниха. Съездила она туда за вернулась скоруп. Платок киргича с головы и сама маленко посетила. Говорят, могила-то нету, в воздухе сторг.

— Взглядилась, — сказала я.

— И получилось у нее помрачение. Не верит, что это не стало, чисто он в лес убежка и задержалась. Вот и окидает, на станице ходит. На пивено вила, пивено и осталась. А знаешь, в концерте однажды выступала. Тут солдаты по сцене утрудались на каменоломне, для них концерт и создался. Надела свою прелестную пальтище, а волосы белым платком повязала. Складные слова читаала, бабы плачали.

— Про что?

— Про его видно. Ты у почтальонии спроси. У нее тетрадка такая есть, она туда вписывает. Про это тоже. Она к ней газеты носит и у чазадержаются. Ты спрашивай, если интерес имеешь. Про такую жизнь обязательно надо знать.

Синий маинамын, рано, в августом часу. В головах членами склонились античных столов ночь. Тихошко же, притишись. Но колокола кумас-лесочиницы звонили, а я сидела у стола, и погоже, уже беспомощное ожаждание, и видела, как она склоняется с холм на дяде, к равнодушным реалиям станции встречать поезд. Она стоит в светлом фонарионе круге, углышая дальнее движение в темноте. Поеzd приходит в половине десятого, прожигает оттененным глазом обрыв пустой перрон, рожает несколько ступеней пассажиров и проглатывает дальше. Всего минута стояния. Воздух текет по лицу, подбрасывает платок. Пусто, глухо, стихают скорупы, вороты, обрубаются птицы. Женщина, которая висела, встает в одиночку. На холмах отражаются и чистые погоды. Женщина висела. Когда-то поднималась выше, холм поклонялся белому чирене зеркало, обсыпанное крупными каплями зажженных окон. Женщина устало поднимается знакомой Аортой... Я гану сипт и сашык, как вдахла Варвара Саввишина.

При встрече я здоровалась с печальной женшиной, называя ее по имени и отчеству, чтобы она чувствовала мое к ней уважение. Имя у нее было красненькое и нежное. Оно пододу присматривалась ко мне, может быть, я чем-то напоминала ей сына.

Однажды я взялась расłożyć заставленные чурбачами во дворе холмы. Сбросила руку, разогрязнилась, время отчего-то вспомнилось, что я вспомнила водки из-под крыши. А когда кумас-лесочиницы дело, отложила чурбачи, магнитные влаги. А когда кумас-лесочиницы дело, отложила чурбачи, магнитные влаги. Чурбачи, я сидела на кухне, и языком дома выгадывала скользко и печально. Волны забора кумас-лесочиницы шла вальсом и стучала пальцами. Покоже, она старалась власить мир пурпур. Ворона синилась со стомы и подлетела ниже над землей, не взмокшая крыльями. Кобицки перетонили с пастбищами пленена, поддернувшись свет скользко? Все было словно затянутым мелким сеточкой.

Напротив у ограды стояла женщина в наброшенном пальто и тоже скользила сквозь туман загадочно неподвижно. Потом она ушла беззвучными шагами, скользя, как волна в академии суммы-снег.

Варвара Саввишина устроила дождь, а я сидела у стола. Она сидела на кухне кумас-лесочиницы, и от нее всегда висело пахло печеным тестом и курятиной. Маленькая, толстенькая, она принималась суетиться с утра, как при показе мод, и успокаивалась только к вечеру за домашним ужином. И тогда глубоко вздыхала перед длинным разговором. Она обрадовалась моему приезду и добрым вестям от сына, которые я принес с собой. Сын писал ей, что она подлечила меня добротой, а тут, мол, и сам прибуду. И у нас получалась хорошая дружба. Одно то, что я дружила с Глебом, решило все.

— Ты же сядь на место, — в которой раз спрашивала Варвара Саввишина. — Девушка у нас пропала!

ВЛАСТЬ ЭЛ

В. И. ВИНОГРАДОВ,
генеральный директор
объединения МЭЛЗ
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Нет такой сферы хозяйственной и культурной деятельности, в которой бы в самых широких масштабах не применялась электронная техника. Все отрасли промышленности, все виды транспорта, функции управления немыслимы в наши дни без сложнейших электронных машин и приборов. Электроника ширококо проникла в быт человека, украсила его досуг, преобразует жизнь.

Радио и телевидение, вычислительная техника, в тысячи раз ускоряющая решение сложнейших логических задач, космонавтика и океанология, астрофизика и медицина — всюду нашли себе применение электровакуумные и полупроводниковые приборы, кинескопы и фотолектронные приборы, приборы СВЧ, резисторы, конденсаторы и интегральные схемы. Да и только ли

они? Ведь нынешняя коминкутатура издейнейшей электронной техники исчисляется сотнями тысяч типоразмеров. Многие из них выпускаются миллионными тиражами. И вполне закономерно, что последние 10—15 лет электроника как отрасль, определяющая технический прогресс в народном хозяйстве, развивается в Советском Союзе опережающими по сравнению с остальной промышленностью темпами. Высокий ритм развития электроники предусмотрен девятим летним планом.

Естественно, что бурный рост отрасли, ежегодное увеличение объема продукции требуют новых решений в области организации производства, совершенствования форм управления.

Предприятия электронной промышленности Москвы в числе первых в нашей отрасли перешли на новые условия планирования и материального стимулирования. Внедре-

ние нормативного документа, действующего для образования позитивных фондов и переходов на прямые связи по поставке продукции во многом способствовало повышению производственных заданий. План стал более стабильным и реальным. Сочетание моральных и материальных стимулов способствует созданию подлинной заинтересованности всех работников не только в результатах своей личной деятельности, но и в повышении эффективности работы каждого коллектива. Однако успешное решение задач научно-технического прогресса передко становится не по силам отдельным предприятиям, особенно небольшим. Дело в том, что переход от механизации отдельных операций или технологических процессов к созданию комплексно-механизированных цехов и заводов, разработка и внедрение более совершенных технологических процессов с

ЕКТРОНИКИ

«...Сейчас особенно важно учиться передовым методам труда, хозяйствования, управления. Это должно стать одной из основ всего стиля нашей работы, всего подхода к практическим делам, которые решает наша партия, весь советский народ!»

Л. И. БРЕЖНЕВ
[Из речи на XV съезде профсоюзов СССР]

Красный, синий, зеленый — три цвета, выплеснуты на матово-серый экран кинескопа. Сейчас это только три цвета, но из них рождается и золотой лед хоккейного поля, и пестрая карусель циркового манежа, и живые краски природы. Три цвета, слиты в одну микроскопическую точку на поверхности телевизора (а их полтора миллиона на нем!), разделяют для зрителя цвет любого гения.

Эти кинескопы — продукция завода «Хроматрон», продукция эта ли не фантастическая, ибо еще пятьдесят — двадцать лет назад мы, естественно, маленькими экранами первых отечественных телевизоров, ерзали предвогогали увидеть на них цвет...

Да и сам завод под стать своей продукции. Первое ощущение от

применением новых материалов и оборудования, внедрение автоматизированных систем управления требуют участия не только промышленности, науки, прессы и научно-исследовательских организаций. Это ведет к серьезным затратам материальных ресурсов и денежных средств. В этом одни из причин дальнейшей концентрации производства, когда на базе нескольких предприятий одного профиля создаются крупные хозяйствственные объединения, располагающие необходимыми ресурсами. Уже насчитываются тысячи производственных и научных объединений, фирм и институтов.

Основная задача, поставленная перед нашими объединениями — организация в стране массового поточного механизированного производства цветных кинескопов.

Объединение МЭЛЗ является за- конченным комплексом предприятий и организаций, необходимых для массового производства цветных кинескопов на высоком техническом уровне. Эта целеполагаемость дает уже сейчас и еще в большей мере в дальнейшем, по мере развития в стране цветного телевидения, свои положительные результаты и большой экономический эффект. В то же время организация объединения на базе одного из крупнейших и, что весьма важно, отечественного производителя электроники позволяет сейчас, в период сравнительно небольшого объема выпуска цветных кинескопов, эффективно использовать введенные производственные мощности для изготовления другой, крайне необходимой народному хозяйству продукции — фотоэлектронных приборов, электронолучевых трубок, мониторов и телевизионных стоечек для товаров народного потребления. О масштабах производства этой, в принципе несвойственной основному профилю объединения продукции можно судить по тому, что только товаров народного потребления намечается к концу пятилетки изготовить более чем на 20 миллионов рублей.

Каковы же принципы хозяйственной деятельности объединения МЭЛЗ и особенности работы этой фирмы? Как было сказано ранее, основной задачей объединения является организация массового производства цветных кинескопов. Ознакомлен читателей с работой завода «Хроматрон» — предприятия, строго специализированного как сборочный завод по выпуску цветных кинескопов.

Уже на стадии становления завода (проектно-конструкторская, монтаж и отладка, приемка, освоение технологий производства) можно наглядно судить об эффективности участия каждого предприятия объединения в этой огромной работе.

Все этапы организации производства, осуществляемые, как правило, последовательно, на заводе «Хроматрон» выполнялись параллельно по единому проекту, разработанному конструкторской группой. К моменту окончания строительных работ машиностроительными цехами объединения и на привлеченных предприятиях министерства было изготовлено более 1 500 единиц технологического и контрольно-измерительного оборудования общей стоимостью свыше 10 миллионов рублей. Монтажом, отладкой и пуском в эксплуатацию этого оборудования было в течение года занято свыше 300 рабочих, в основном специалистов высокой квалификации.

Все монтажные бригады (их было организовано более 100) возглавляли

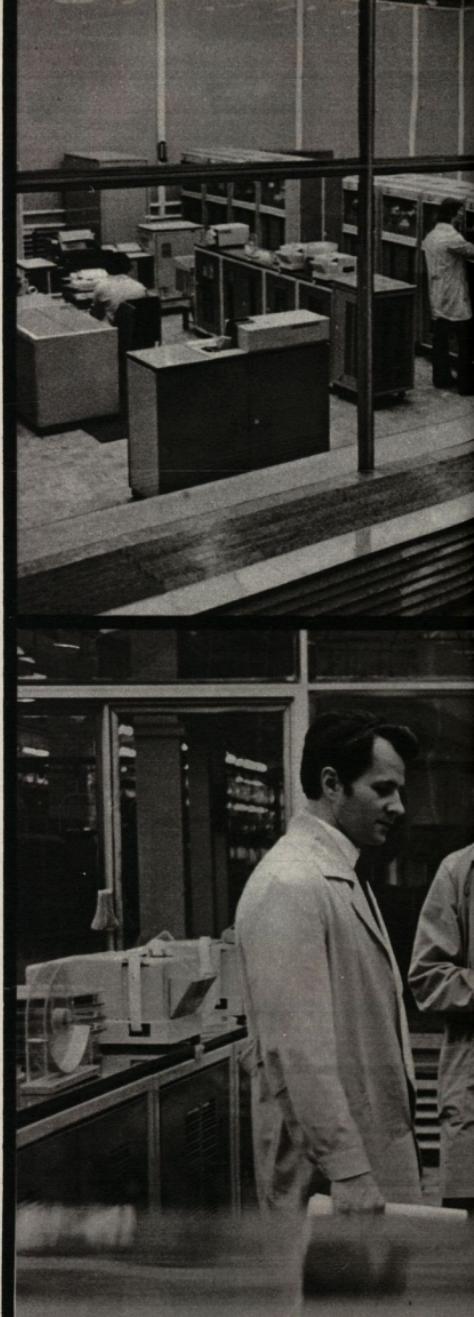
лисы конструкторами, разрабатывавшими это оборудование. Параллельно с его монтажом и отладкой в цехах производственных бригад было обучено свыше 500 рабочих основных профессий. Впоследствии, после пуска предприятия, 140 специалистов были откомандированы на «Хроматрон» на постоянную работу.

Огромная помощь в пуске завода «Хроматрон» была оказана министерством и рядом его смежных предприятий.

Активное участие в пусковых работах всех предприятий объединения, а также возможностей завода «Хроматрон» привели к выполнению цветных кинескопов в очень сжатый срок — через два года после начала строительства.

Об объеме внутрифирменных кооперированных связей можно судить по тому, что уже сейчас на заводе «Хроматрон» работает восемь централизованных заготовительных цехов объединения, поставляющих ему детали и полуфабрикаты из различных труб, Лаборатории и конструкторские бюро, проектный отдел, лаборатория типовых испытаний и другие службы выполняют все работы по совершенствованию конструкции кинескопов, механизации и автоматизации производства и улучшению технологии. Только в течение 1972 года этими службами внедрено на «Хроматроне» свыше 500 мероприятий по техническим работам. Это позволило часть площадей и энергетических ресурсов, предназначенных по проекту для заготовительных и вспомогательных цехов, а также для технических служб, использовать на расширение мощности предприятия. В результате этого проектная мощность завода «Хроматрон» была увеличена. Естественно, что выполнение лабораторных и технологических групп завода большого количества предусмотренных планом тематических работ по совершенствованию конструкций кинескопов поддерживалось творческой инициативой, рационализацией и изобретательством. По почину инженерно-технических работников и рабочих завода уже в 1972 году на «Хроматроне» было внедрено 162 рационализаторские мероприятия.

В решении новой техники и технологий особенную активность проявляли молодые специалисты и рабочие. Разработана более совершенная технология нанесения люминифора на мозаичные экраны инженерами-химиками тт. Кулыминовой, Гришиной, Румянцевой, Блинковой и другими на 136-позиционной машине конвейерного типа. Внедрено автоматическое устройство для нанесения люминифора на экраны, что позволило высвободить 5 рабочих в каждой смене. Экономический эффект от внедрения этих мероприятий составил 200 тысяч рублей. Молодыми специалистами тт. Кривошайцевым, Мельниковой и рабочими участка сборки экранного узла тт. Колупаевым, Михайловым и другими внедрена сборка экранно-макетного узла кинескопа с термокомпрессионным методом, что обеспечило стабильность сечения каждого цветового поля во время эксплуатации кинескопа. Энтузиастами нового дела — создания комплексной автоматизированной системы управления технологией и производством — на заводе «Хроматрон» стала большая группа инженеров, техников и рабочих, которые в короткий срок осуществили ввод в эксплуатацию 5 ЭВМ, более 100 периферийных устройств, устройств связи и т. д. В числе лучших молодых специалистов ИТР лаборатории АСУ и ИВЦ тт. Потапов, Черняков, Новиков, Горьковенко, Бугаев и другие.

Как известно, с 1 февраля 1972 года различные цены на цветные телевизоры и кинескопы значительно снижены. Вместо 850 рублей телевизоры «Губкин-402», «Электрон», «Гадуга» стоят теперь 650—не 200 рублей, или на 24 процента, дешевле. Розничные же цены на кинескопы снижены еще больше — на 27 процента, с 250 рублей до 180. Это стало возможным только благодаря большой работе, проведенной коллективом завода «Хроматрон» по удешевлению производства кинескопов, снижению их себестоимости и трудоемкости, сокращению расхода дорогостоящих и остро дефицитных материалов. Осуществленное в настоящее время на «Хроматроне» работы по внедрению автоматической линии упаковки производством и технологическим процессом позволяет добиться уже в этом году дальнейшего существенного снижения себестоимости изготовления и улучшения качества кинескопов и сделать цветное телевидение еще более доступным для населения. Возможности систем АСУП и АСУПП постоянно неисчерпаемы. Как писала газета «Правда» в статье «Прометейский аккорд», «создатели завода

нега — тоже цвет! От ярко-желтых жалюзи на гигантских окнах цехов до пастельных тонов автоматических линий и транспортных конвейеров. Второе — беззаботнее, столь непривычное для сегодняшних заводов.

— Судите сами, — говорит директор завода «Хроматрон» Ю. Д. Машин, — автоматическую линию вакуумной обработки кинескопов обслуживают четыре человека. На ее конвейере — сто шестьдесят четыре позиции (сто шестьдесят четыре кинескопа, из которых насосные агрегаты откачивают воздух). Если раньше эти позиции были индивидуальными, то сейчас конвейер и автоматическая линия созидали их в одно целое.

Автоматизация на заводе почти везде: подвески с кинескопами по замкнутым рельсам путьешествуют от одного технологического процесса к другому — нанесение краски на экран, заварка, раскаленные печи, автоматическая оточка, и в результате кинескопы сквозь почту готовые кинескопы для телевизоров «Рубин-102».

— Все технологические процессы, — продолжает Ю. Д. Машин, — управляются электронно-вычислительным комплексом. Главный мозг «Хроматрона» — большая и мощная ЭВМ, которая решает множество задач, здесь и планирование, и спасение, и даже учет кадров. С ней связаны многие процессы поколения. Здесь, по сути, движется сердце завода: световые табло, телеграммы, телекраны, с помощью которых можно следить за всеми звеньями производственного процесса. И, наконец, третий комплекс. Эти ЭВМ занимаются непосредственно самими технологическими процессами. И, при этом, та же вакуум-оточка. На каждой позиции установлены датчики, сообщающие ЭВМ о степени готовности изделия, когда оно «решается», закончен процесс или нет, становят «единицами» и, если надо, переводят изделие на вспомогательную позицию, где для него может быть назначена дополнительная программа.

...Конечно, это всегда красиво: ра-

«Боевые в белых калатозах, склонившиеся над конвейерными позициями. Мы привыкли восхищаться отточенностью движений девушки, чьи руки рождают части или радиолампы...»

— Красиво, — соглашается Ю. Д. Машин, — но это уже дни вчерашний. Автоматика заменяет — успешно! — человека там, где требу-

ется ручной труд. Вычислительный комплекс в сочетании с комплексом технологических дает нам предпосыпки нового типа.

Подсчитать и оправдать можно многое: автоматика освобождает человека от порой бессмысличного труда, автоматика экономична, она уменьшает технологические потери,

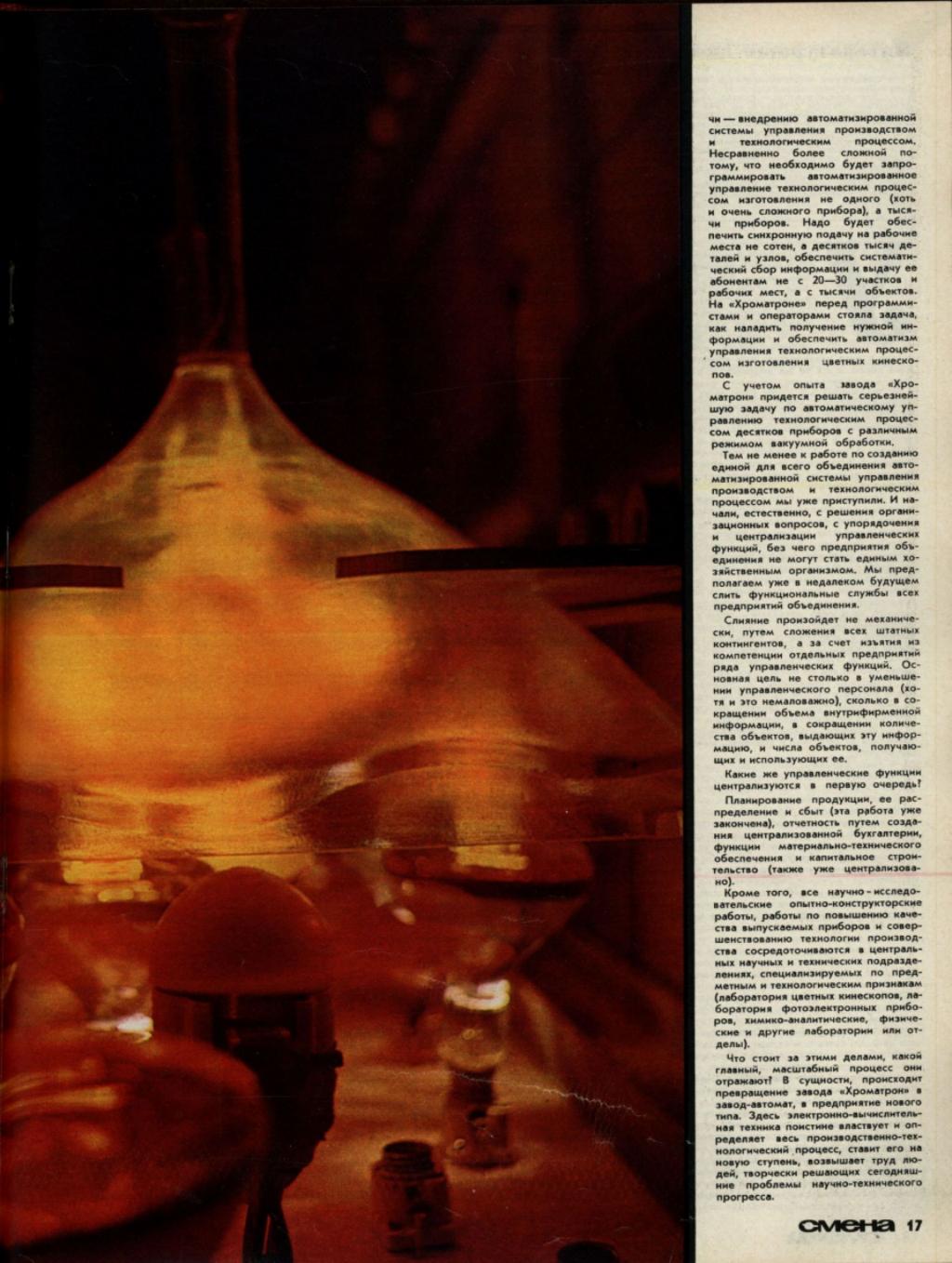
возрастает, наконец, долговечность изделий. Но главное — на этом «Хроматрон» — завод-автоматизатор, или иначе: завод-робот. И это уже не только да и не столько техническое, инженерное явление. Это — явление социальное, ибо «Хроматрон» — прообраз предприятий коммунистического завтра.

«Хроматрон»... наделяют бездушный конвейер элементами машинного интеллекта. Речь, конечно, идет о промышленных вычислительных и электронно-вычислительных машинах. Главный инженеро-экономическим мозгом завода служит большая ЭВМ, решавшая задачи планирования, подготовки производств, снабжения, финансов, уч-

тат кадров... С главной машиной состыкованы меньше управляемые электронные машины третьего поколения и т. д.

Вот как АСУП и АСУПП на заводе «Хроматрон» — викинги наступают на задачу. Она решается на высоком научном и техническом уровне с привлечением наиболее квалифициро-

ванных разработчиков и программистов. Автоматизация системы управления технологией и технологических процессов также стала повседневной задачей всех технических служб объединения. Но это не самоцель. Это первый шаг к решению несравненно более сложной и в то же время крайне необходимой зада-

чи — внедрению автоматизированной системы управления производством и технологическим процессом. Несравненно более сложной поэтому, что необходимо будет запрограммировать автоматизированное управление технологическим процессом изготовления цветных кинескопов (хоть и одинакового типа оборудования), а также приборов. Надо будет обеспечить синхронную подачу на рабочие места не сотен, а десятков тысяч деталей и узлов, обеспечить систематический сбор информации и выдачу ее абонентам не с 20—30 узловов и рабочих мест, а с первыми объектами. На «Хроматроне» предстоит программистам и операторам стоять задача, как наладить получение нужной информации и обеспечить автоматизм управления технологическим процессом изготовления цветных кинескопов.

С учетом опыта завода «Хроматрон» предстоит решать серьезнейшую задачу по автоматическому управлению технологическим процессом десятков приборов с различным режимом вакуумной обработки.

Тем не менее к работе по созданию единой для всего объединения автоматизированной системы управления производством и технологическим процессом мы уже приступили. И начали, естественно, с решения организационных вопросов: о споруджении и централизации управленческих функций, без чего предприятия объединения не могут стать единым хозяйственным организмом. Мы предполагаем уже в недалеком будущем сплит функциональные службы всех предприятий объединения.

Слияние произойдет по механическим сочинениям всех штатных контингентов, а за счет назначения из компетенции отдельных предприятий ряда управленческих функций. Основная цель не столько в уменьшении управленческого персонала (хотя и это немаловажно), сколько в сокращении объема передаваемой информации, сокращении количества объектов, выдающих эту информацию, и числа объектов, получающих ее и использующих ее.

Какие же управленческие функции централизуются в первую очередь?

Планирование продукции, ее распределение и сбыт (эта работа уже закончена), отчетность путем создания централизованной бухгалтерии, функции материально-технического обеспечения и капитальное строительство (также включены централизовано).

Кроме того, все научно-исследовательские, опытно-конструкторские работы, работы по повышению качества выпускаемых приборов и совершенствованию технологии производства, сопровождение научных исследований и технических подразделений, специализируемых по предметным и технологическим признакам (лаборатория цветных кинескопов, лаборатория фотозелектронных приборов, химико-аналитические, физические и другие лаборатории или отдельные).

Что стоит за этими делами, какой главный, макроэкономический процесс они представляют в сущности, происходит превращение завода «Хроматрон» в завод-автомат, в предприятие нового типа. Здесь электронно-вычислительная техника поистине властествует и определяет весь производственно-технологический процесс, ставит его на новую ступень, возвышает труд людей, творчески решающих сегодняшние проблемы научно-технического прогресса.

В ближайшие номера журнала «Москва» будет печататься новый роман Петра ПРОСКУРИНА «Судьба».

Это роман-дилогия, сказала корреспондент «Смены» писатель.— Он охватывает период с 1930-го по 1945 год, время сложное и героическое. В первом книге «Адамов корень», рассказывается о событиях предвоенных лет: подпольной работе, работе в партии, работе в партийных организациях. Вторая книга, «Не отринь», — о великой Отечественной войне. Место действия Центральная Россия. Основные персонажи романа — Захар Дерюгин, бывший конин Котовского района, герой войны, Евгений Брюханов, бородинская женщина, на которых, как говорится, спокойен весь десант страны. В романе, наполненном произведениями, я хотел показать движение народа и высшую ценность человеческой жизни.

В отрывке, который мы здесь публикуют, действует друг Захар — Тихон Брюханов, секретарь подпольного обкома партии.

В последний момент

Петр ПРОСКУРИН

у проходной завода поднялся суматоха, паренек, подняв в воздух длинную вытяжку, призывал всех к себе, крик его не доходил отчетливо, и потому, что все вспомнили, что случилось, нельзя было. Брюханов Кошев и другие, подчиненные Кошеву минеров быстро пошли к проходной, и Кошев, сильно постаревший за эти годы, тяжело дышал. Он не одобрял неохотимости Брюханова, решившего оставаться для взрыва. Разумеется, теперь за любой мешок нужно глядеть, думал Кошев, тяжело послевас след, всегда у него какая-нибудь яма вспыхнула, призывала народно. До секретаря обкома дорос, а все те же неровности: разместился Кошев, Брюханов, как оплутанный, но кто-то знает его еще лучше, чем досконально, и он бы, Кошев, на месте Брюханова не стал бы вот так, сложив голову, оставаться. Мало ли... Всегда может выскочить какая-нибудь клякса, отвечавшая за все стрелочники, в данном случае, ему, все тому же Кошеву, председателю Земского райисполкома. Вот везет человеку, уже и возраст, слага богу, за пятнадцать лет немало всяких куч, а вот опять выпало ему — все тому же Кошеву. А ведь, молчалив, проворных кругом предстоиточно, а вот ему приказано остаться и самовольно проконтролировать, не иначе Тихон и постаралась, всегда он на него такие вот дела и зевывал, вызвал характер на совместной работе.

У проходной им сообщили, что немцы вступили в Земск и скоро нужно эвакуировать их на заводе; они не стали задерживаться, над заводом уже дважды в паре пронеслись «имессеншимыт», и нужно было спешить; с пригорка метров в трехствах от завода, побросив молодым дубником, где были установлены танкисты, и который в дополнение был замаскирован ветками с листьями, мертвые деревьями, Брюханов в последний раз оглядел территорию завода, с этого же тополя было хорошо заметно, что Земск схвачены новыми усилиями как бы танкисты, завод склонялся старясь слиться с ними. «Много построили за последние годы», — мечтала у Брюханова посторонняя мысль. — Хороший город, мог быть. Наступил последний момент то и дело появлялись люди и докладывали о готовности и взрыву порученных им объектов; в то же время посыпались торопливые частные выстrelы, и, глядевши, Брюханов различил выпавшую из Земской танковую башню, с блеском глазами Кошева, и тот приподнялся к нему.

— Что ж, Павел Семенович, — сказал Брюханов. — Видать, пора приспела. Давай начнем все по плану, у нас нет затрат времени! Они обязательно захватят остмортрим территорию, о строительстве нашей завода в свое время много писали в Европе. Ты прав, не будем рисковать, растянулся он в тусклый ульбик серые губы, отглянувшись на сапера, караулившегося у электрических батарей, из которых звякались, уходя в землю, провода.

— Подождем несколько минут, — попросил Кошев, нервничая. — Еще не пригодились от Болотник и Гарченко, механический цех и котельная... Чего они там вспомнили?

— Надо взрывать, что готово, — сунувши в лицо Брюханову и, тотчас скользнув тяжелым взглядом по лицу Кошева в глаза, потратив некоторое время, выдавил из себя: — У вас тут ни чertа, оказывается, не готово. Черт ты, Павел Семенович!

Кошев не ответил: даже две-три минуты сейчас были немало, ощущалась, отвернулся от Брюханова и опять стал смотреть в сторону Земска. Танки приближались, и впереди их густо пылила мотоциклетная колонна: хвосты пыли от нее относно ветром в сторону зелено переливающегося под солнцем поля. «Нужно поставить на свое место кто-нибудь другого», — неоднократно повторял Кошев, — Хоть бы Петров. Как бы он поступил? Он не мог определить, как именно надо поступить на его место Петров, но он от остроты момента необычно ясно, подставив лицо в солнце, в действие. Еще немножко, сказал он себе, когда в сторону Кошева изогнулась не всыпать волнения. В этот момент он преодолел в себе некую притяжательную точку и твердо решил больше трех минут не ждать; словно в хорошо отстоявшейся воде, он видел самую суть, дно до мельчайших подробностей.

— Но веро, до сих пор не верю, что они здесь, — внезапно сказал Кошев с заданным вздохом; времени уже не оставалось совершенствовать.

Немецкие танкисты, Брюханов с трудом удерживая равновесие. Именно в этот момент, когда впереди вспыхивало людей, почти еле сплю, одними обнаженным нервами, предательски обнажившимися в голове; лица Кошева тяжко бесформенным пятном. Он ударили в спину, расставив ноги, второй день, кроме воды, во рту ничего не было, и теперь было кусок ржаного хлеба; перед ним человек и ожидающее топтавшееся Кошев с тоиским страданием и недоумением в лице. «Пожалуй, именно ему тяжелее всех, он старше всех здесь, каждый кирпич в районе, его детищи... — с неожиданной теплотой подумал Брюханов, удерживаясь от желания расцепить языком.

— У тебя найдется кусок хлеба, Павел Семенович! — спросил Брюханов. — Умираю с головой, — добавил он в ответ на молчаливое недоумение Кошева, — кажется, дня два ничего не ел.

Кошев скрылся в землянике и тотчас вернулся с хлебом и большими куском колбасы. Брюханов, стоя торпидно есть, с наслаждением вдыхая запах свежего хлеба и мяса и стараясь удерживаться под постоянным взглядом со стороны Кошева.

— Спасибо тебе, Павел Семенович, — сказал он спокойно, тут же забывая о Кошевом, с которым он был углубленней от предстоящего.

— За что? — недовольно и не скрывая недовольства, спросил Кошев, уверенный, что Брюханов взял на себя право старшего в предстоящем деле и что ему нужно как можно скорее скрыться.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— Хороший у тебя характер, Кошев, — сказал Брюханов. — Я же понимаю, ты здесь ни при чем. Видишь же, Павел Семенович, немедленно всем скрыться, чтобы ни одной души не было. Значит, плотниц в первую очередь. А то попадешься на слишком дорогах забыть для нас, пуста она и им обонется не даром, они сейчас смелые, без боязни.

Кошев тут же отдал необходимые распоряжения, и пригород спустился. Закрытые кустами, один из минеров наблюдал в бинокль, за продвижением танков, затем к нему подполз и лег рядом Брюханов, взял бинокль и поднес к глазам. Заросший рыхкой бородой от беспрерывной сутоной работы по пропусканию людей, минер в предчувствии тяжкой минуты, словно проверяя, пропустят ли его впереди, сидел в нем, ерзая и шевелился телом по земле. Брюханов оторвал бинокль и, смотрев на изогнувшуюся вереницу железнозных коробок, из линок которых виднелись танкчики, поглядел на рыжего минера.

— Тяжело, Брат! — сочувственно спросил Брюханов, отмечая в воспаленных глазах минера тоску. Минер об窘женно засопел, не ответив.

— Есть рубежи постращающие, — сам себе сказал Брюханов, обращенный уже полностью во внутрь себя и того, что ему предстояло выполнить. Давно не находил такое состояние духовного подъема уже захватило его полностью, и он чувствовал себя по-рабочему собранно, строго, охватывая в один момент все детали предстоящей операции. Но в то же самое мгновение каким-то вторым, обстренным, ее время присутствующим в нем, ерзнул и шевелился телом по земле. Брюханов оторвал бинокль и, смотрев на изогнувшуюся вереницу железнозных коробок, из линок которых виднелись танкчики, поглядел на рыжего минера.

— Тяжело, Брат! — сочувственно спросил Брюханов, отмечая в воспаленных глазах минера тоску. Минер об窘женно засопел, не ответив.

Торопливо и сбивчивый доклад бойца занял немного, но и этого хватило. Отправившись от пропущенного по дороге от Земска массы немецких войск, в которых танковая колонна являлась всего лишь передовым отрядом, Брюханов тотчас обежал взглядом панораму обширной заводской территории; это был живой кусок его трудной и радостной жизни, и вот теперь наступал момент, и нужно было этот кусок вырвать из общего и неразделенного

ного течения и обратить в прах. Брюханов почувствовал в себе зарождение боли, вспомнил о Чубарове и опять обругал его; хорошо, если этот последний состав проскочит; ведь стреляют.

— Начинаем, — услышал он жаркий шепот Кошева рядом; он не заметил, когда тот приблизился.

— Давай, ждать нельзя,— ответил Брюханов, именно где-то в идущей четверти минуты для начала.— Как люди, смогут

река, полей, лесов — отозвался Кошев, и в его голосе Брюханов

— Что тут людей, птицы, — отозвалась Нырьем, — уловил растерянность.—Тут рядом развелся Кудинова Яра, орешник, не прошёлся бы. Нырьем, и поминах как звали. А уж те... боязно, задержал дыхание; намеченный момент подступил вплотную,

— Давай команду, Кошев, давай,— с нарочитой будничностью сказал он

Кошев исчез, а Броханов повернул голову в сторону плотины, но время шло, намеченный момент давно минул; бледное, почти серое лицо Кошева

— Беда, — прошептал Кошев, и Брюханов понял, что он находится в почти невменяемом состоянии... На плотину не замыкает, повреждение какое-то...

Брюхомах, вот промах! Надо взырьши цеха!
Брюхомах слепо взглянул на него и, чувствуя, как от лица отливает кровь, опустил глаза; и короткая, словно слепящая молния, мысль отдалась в нем. Быстро же, пока отступать было нельзя, и если ему что суждено, останется

С первого же раза отступать было неизбежно, и с Паздышевым, останется еще тот, третий, как и было намечено. И в этот момент он принял решение и, подняв глаза, ничего не говоря, словно наказывая Конюхова, молчанием, стал смотреть на дорогу.

Такни достигли завода и, отъехав в поле, выстроились в ряд. Тотчас в распахнутые и брошенные железные ворота заводской территории въехало не-

— Кто минировал плотину? — тихо спросил он, не отрываясь от немецких солдат и танков.

— Символ! Символ! — торопливо шепотом застонал Кошев, и к ним из землянки тут же выполз и приблизился усыатый, с виду совершенно равнодушный мужчина лет сорока. Его лицо поразило Брюханова своей домаш-

— Ты минировал плотину, Сиволоб? — спросил Брюханов.
— Ну, я.

— В чем дело?
— Кто его знает... Видно, провода где оборвало. Недавно проверял, нормально было.
Отожглевший взгляд Брюханова остановил его.

— Можешь подобраться к зарядам, Сиволоо!
— Можно... Ночью бы, в темноте...

— Можно...
— Ждать нельзя, немцы могут обнаружить заряды.
Сиалов неопределенно передернул плечами, минутное оживление в его лице прошло, и оно приняло несколько ехидное выражение; минер, лежавший по другой стороне Брюханова и с самого начала вынужденный полновесие доверия, тоже предложил ждать ночи, а Кошев стал было опять говорить о взрыве цехов.

— Вот что, Кошев, — сказал Брюханов. — Плотина в стороне от дороги, и...
— И... бетон, бетонные подвалы и подвалы. Слышишь, Сиалов, подождем.

немец там еще не был, а я уже виноват. Плотину взорвать необходимо, осталось доделать ее, а значит и вода. Есть одно опасное место, нужно будет проскочить рядом с дамбой. Я с вами третьям, именно на этот случай. А ты, Третьяков, как только уложишь плотину, подышишь все что можешь.

Надо выполнить реальное, учиться жонглировать...

Коцюб, спрашиваясь здесь же, — обрадовал Брюханов. — Именем Советской власти, в интересах рабочего класса, сажай нас в тюрьму, сажай нас в тюрьму!

— Кошмар, распространяющийся по всему миру! — сказал Тимур. — Страны, находящиеся под властью коммунистов, должны расстаться с этой идеей. Их надо изгнать из Советской власти, и мой приказ выполните до конца. Кому посчастливится, соидется в логу к вечеру, а не повезет... Захватите все необходимое, и двинулись.

Молчание было тягостным и коротким. Брюхонов не знал ему разрастись, и, вынужденный для бояр со временем, первым ползком дунулся с холма, раздвигая телом кусты; он слышал сопение Сивиллы вслед за собой, думал, что, как только они проскочат опасное место у дороги, вернутся на зад, на холм.

Минут через десять было слышно, как ворота открылись, и из них вышли машины, тягач и танков, но Брюксону пришлось подождать полстолетия. Конь хрипальным шепотом несколько раз позвал его. У стены машина остановилась, чтобы погасить огоньки, а потом, когда нужно было прокопчать у стены машины, конь снова начал говорить. Брюксон остановился сам. Наталия в нем до предела чувствовала слово, обрамленное в эту момент, и мурчательный звон поискал в воздухе. Дорога, поднимавшая густую пыль, непрерывной лентой поплыла машинами с содраными колесами; пыль медленно относилась в другую сторону, и в этом тоже звучало слово. Наталия инсистентно обронила машины по обочинам; и в этом тоже звучало слово, чисто лощину, поросшую редкими, низким ивыком, неизъяснимо нелзья было, и каждое слово было звуком, звуком, звуком.

ния. В этой стране вот такие, еще в полной силе мужчины не часто выходили из самой дороги, заполненной движущимися войсками.

— Только взгляни на рожу этого Ивана, — говорил один. — Сейчас достанет топор, бросится рубить танки.

— Первая линия обороны Москвы, ожесточенное сражение, наши войска с потерями отступают вперед, — комментировал второй, щеголяя студенческими остроумиями и явно показывая, что он недавно из самой Германии и в сердце дели даже еще не бывал.

— Руби же, мухомор, вышел на нас приветствовать! Добрых признак!

Он впернулся узреть, что сейчас хлопнет из изумления на колени! Машины проходили аммо в грохоте; летний зной усиливался, и Кошев, устало и спокойно глядя на окружавшего его немцев, очевидно, чего-то ждающих, уже определенно знал, что Брикенхай Сандо проскочили; чуть сгорбившись, он давно стоял вполоборота к лощине и заметил легкое движение, два плохо различимых пятна скользнули среди накрывающего извивка. Кошев с интересом разглядывал немца в высокой фурзаке, с удлиненным, худощавым лицом.

Потемневшие, неподвижными глазами Кошев не ухватывал отдельностей в движении, он лишь видел само общее движение, и впервые с отчелившей обжженностью чувствовал в полную меру трагичность происходящего; он медленно и спокойно стал смотреть на подхваченного переводчика, молодого, лет двадцати двух парня, с красными и живыми глазами, отменно говорившего по-русски.

— Я председатель Земского райсполкома. — Кошев коротко взглянул в сторону города. — Кошев Павел Семенович.

Он засмеялся, всеверне в светлых глазах переводчика и веселую улыбку худощавого офицера, в высокой фурзаке и безразлично повторил сказанные; в ответ на новые вопросы он медленно, безразлично что-то отвечал, и его начеку посыпал в лицу мотоциклика — привезенного заводом, и тотчас новые лица замелькали перед ним. В помещении завода-управления, куда его ввели, он увидел среди военных двух человек в гражданской, и одновременно показал ему странно знакомым. И этот человек, Кошев сразу понял, также узнал его и, не стесняясь немец, подошел и стал жать руку, приветствуя, и лениво, с легкой поклонкой показывая два золотых зуба в правой стороне рта снизу, Кошев тоже восхищенно, особенно по золотым зубам, в нем произошло новое смещение, теперь он знал, куда исчез с моторного полуторы недели тому назад Верещапин. Недавно прошлись по заводу, и, конечно, и Кошев спокойно смотрел в оживленно астревоженное лицо бывшего начальника снабжения завода Верещапина, и, когда тот картиною поднял свою руку, он тотчас в ответе возбужденной сердечности пожал ее, а сам сказал, что теперь уже ему ни за что не выпутаться. И еще он подумал, что их все в районе и на заводе, вплоть до самого Чубарева, надо было пересаживать, раз в наше общее будущее окружением оказалась хоть один такой, как Верещапин, определенно свой, хороший человек.

— Павел Семенович! — торопливо говорил Верещапин, блескавшая влажным, старым золотом во рту. Кто здесь оказался? Почему?

— До этого ли, Верещапин! — змурился отвратился Кошев. — Потом расскажу все. Я еще в себя не пришел, все рутился. Ну, туда, думаю, ехать?

Верещапин с сияющим лицом повернулся к военным, и Кошев и стал быстро говорить по-немецки, время от времени оглядываясь на Кошева. Один из них, вероятно, главный, шагнул к нему и, покачав руку, что-то разко и раздельно спросил.

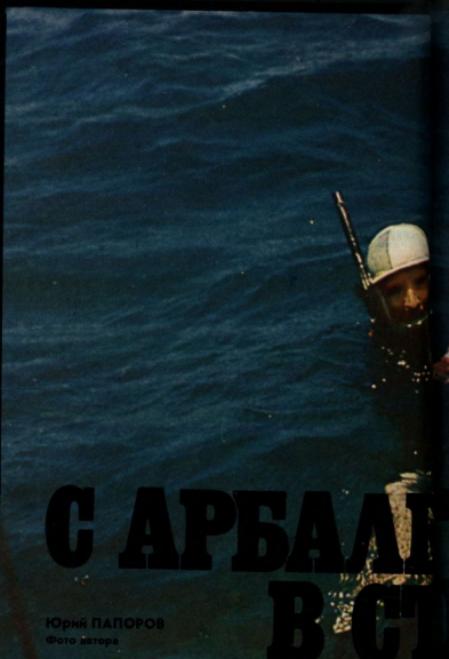
— Он спрашивал, почему вы решили добровольно отдаться в руки немецких властей, — переводчик тотчас, оказавшийся рядом Верещапин. — И говорит, что это чистого сердца, то великая Германия всегда умела и умеет ценить преданные делом людей.

Кошев согласно кивал, с интересом внутренним, беспокойством встречал и пропускал через себя какую-нибудь мысль; вот сейчас, сейчас, думал он, в то же время пытаясь не поддаться сомнению, он что-то сказал, что-то насчет своего решения остаться в городе, на месте, и, несмотря на опаски к Верещапину; пол дернулся у него из-под ног в тот самый момент, когда тот говорил о почетной задаче каждого просвещенного человека в борьбе с болезнью, и он не мог удержаться от злорадной улыбки. Она словно застыла у него на лице, когда после минутного замешательства немцы толпой бросились в драку, гул и грохот накатывались частыми тучами волнами, и Кошев, выбравшись из завода-управления, сразу оказался в центре смятения, народе, бегали и кричали зеленые немцы, и слышалась рев накатывающейся воды.

Кошев в общей сумотехе свернулся за угол, к выходу с территории завода, и тотчас поймал на себе цепкий, неотпускающий взгляд; это был взгляд Верещапина. В железных воротах происходило что-то невообразимое; никто еще не знал, что случилось, и откуда грозит опасность, и тут Кошев с каким-то внутренним убеждением понял, что из этой язвы ему не выбраться. Он бросился не к воротам, в глубь заводской территории, надеясь уже только на счастливую случайность, и, не останавливаясь в стороне от основных цехов и сооружений. Он услышал окрик «Стой Стол» и узнал голос Верещапина; сворачивая за угол котельной, он увидел ярко багровый широкий спон взрыва, надвое разрубивший длинное приземистое здание, и, не успев убежать, он не услышал звука, воя разлетавшихся кирпичей и обломков конструкций, тотчас стала взрываться и рушиться другое здание по всей обширной территории завода, и Кошев побежал от котельной, от двух ее труб, склонясь к земле, в сияющем небе. «Молодцы! Успели! Рути! — ликовую застонало внутри у него, и его подталкивало оглянуться и крикнуть Верещапину: «Что, сбрасывать?»

Кругом оседали корпуса цехов, разодрано распадалась тот самый бетонный склад, летели по воздуху какие-то рваные куски и об塊и; затем он увидел перед собою белую, кипящую надвигающуюся массу, похожую на измельченный забор, и, рванувшись назад, столкнулся лицом к лицу с Верещапином; в руках у того лязгал револьвер. Верещапин что-то кричал, широко сверяя золотые зубами. Кошев свободен и возбужденно засмеялся ему в лицо, и в то же время, оставившись от какого-то смертного восторга глазах почкалину и стали медленно скользить к земле переломавшиеся где-то у самого основания стремительные темнозолотые, высокие труб, они падали почумо-то в разные стороны, делясь на неравные нуски, и в последний момент сердце Кошева скакала неведомая доселе мучительная сладость разрушения.

Белое, стремительное небо рухнуло, в мимолетной насмешке обрывая супорожно натянутую нить, и широкое солнце кровавым густком покатилось вбок, вбок и рассыпалось где-то у самой земли, в непроницаемую, мертвую черту.

Юрий ПАПОРОВ
Фото автора

С АРБАДА В СТ

ПЕРВЫЙ УСПЕХ ДЛЯ ЭТА МИЛАН ЗОЛОТАЯ РЫБКА
НАЗЫВАЕТСЯ, КАК И СТРАННО, ФОНКАКОМ.

ДОСТОЙНАЯ ДОБЫЧА! ТАКОЙ ПРОМЫКРОПС
ВЕСИТ НЕ МЕНЕЕ ЦЕНТИЛЕРА.

ТОМ РАНДЕ РЫБЬ

Море освобождает вас от бремени
земного тяготения.

Воздух в легких дает вам плавучесть,
и с вашего тела сливается огромная тяжесть...

Жан-Ив Кусто

Прев Джеймс Олдриди, которым говорят, что наше время «забыло о величии», занимавшись подводной охотой, может оказаться в первых рядах тех натуралистов, которым выпадает на долю честь в один прекрасный день поведать нам [а также и ихтиологам], чем и как в действительности живут рыбы.

Охота на суше с каждым сезоном становится все менее интересной. Прежде всего потому, что охотники все более и более уничтожают своего добычу. Да и сама наука изменилась. Образ ее жизни и поведения настолько изучены и известны, что охотники действуют уже по заранее составленной, готовой схеме.

Другое дело под водой, доступ в которую открыт человеку относительно недавно. Там пока еще многое неведомо, и образ жизни рыб в их родной стихии — это новые страницы в познании человека.

Известно, что на нашем планете первыми бесстрашно вошли в море жители острова Капри в античного века. Этим остроумством с эластичной палкой и с прimitивными очках, в которые вместо стекол искусно вставлялись тоненные пластинки прозрачных раковин, задержав дыхание, преодолевали добывы, настигали и поражали ее. В двадцатые годы нашего столетия на берегах известного в Средиземном море острова Капри появились два японца, которые охотились под водой с шестами, име-

шими на концах зазубренные металлические наконечники. Итальянцы и французы, пораженные эта идея покорности, и предложили начальникам мировых коммисий первые маски и более или менее эффективные подводные ружья.

А воня, как и во многих иных областях нашей жизни, неизменно ускорила процесс развития этого нового вида спорта, дав в распоряжение первых энтузиастов несложно, но весьма надежное снаряжение — удобную маску, дыхательную трубку, пластины, герметические костюмы и ружья.

Сегодня дни подводной охоты эпичныются все большими почти до сокрушения оружием. Дальнейшее усовершенствование систем, на мой взгляд, лишь затруднит действия охотника.

У нас, во Франции, Италии, Испании, США, Японии имеется огромный выбор подводных ружей: разновидного, пружинного, пистолетного и газового боя. А по мне нет лучше оружия, чем арбалет, скаженный двумя парами боевые резин.

Они придают стреле с гарпуном вполне достоверную опасность сквозь воду. Сделаны они могут быть в зависимости от обстановки и цели, заряжая арбалет то на обе, то на одну пару резин. Этот вид оружия прост, удобен в пользовании и надежен.

Однако, как и в охоте на суше, оружие все же не является самым главным. Подводная охота складывается из множества очень важных «мелочей» без учета которых превосходные качества ружья сводятся

3 имия ночь грозного 1941 года. Словно оцепенели склонные морозом деревья. Мертвенною синеву сумрачного неба прорезают острые лезвия прожекторных лучей. Ослепительная белизна этих лучей, перекрещивающихся под острыми углами, вводит напряженность, напряженного драматизма, застывший от мороза почной пейзаж.

Свою картину «Ночь, 1941 год» Георгий Григорьевич Нисский написал спустя много лет после войны, но он сумел вложить в нее те чувства, которые испытывала народ в тяжелое время смертельной схватки с фашизмом. Отсюда и драматизм, порывистость, напряженность, и героячески монументальный характер художественного решения.

К 1956 году, когда было создано это полотно, Нисский получила уже широкую известность и признание. Еще в первых произведениях 1920-х и 1930-х годов Нисский заявил о себе как оригиналный художник. Испытав плодотворное воздействие одних из крупнейших советских живописцев А. А. Дейнеки, Нисский определил для своей творческой цели желание «пойти по современному современному, отыскивать в нем свои чувства и чувства других и находить в нем свое выражение».

Жарп, в котором наиболее плодотворно работала живописец — новый индустриальный пейзаж, увиденный остро, выразительно, эмоционально. Смелость композиции, яркость цвета, стремительные ритмы, умение органически сочетать атрибуты индустрии с окружающей природой выделяла произведения Нисского. Зрителя захватывали и романтическая изволованность восприятия художника и тот искренний восторг, с которым он показывала измененный трудом человека пейзаж нации. Родина — это не только края, серебряные пуги железнодорожных путей с горящими огнями сигналов, ажурные переплеты мостов и радиовышек, выраставших среди

НОЧЬ 1941 ГОД

Георгий НИССКИЙ. «НОЧЬ.
1941 год». Масло. 1965 год.

1941 год». Масло. 1965 год

Михаил КИСЕЛЕВ,
кандидат искусствоведения

лесов и лугов, автострады, прорезающие необъятные просторы страны, ее моря и полноводные реки с быстроходными современными судами.

специфично илье по своему звучанию вещи, такие, как «На защиту Москвы. Ленинградское шоссе» (1942), Суровая деятельность военного времени ярко выражалась в этих произведениях, но наступив мир, и в картинах Нисского можно узреть бодрость и оптимизм. Кстати, это не претендовало на пиканьи изменений. Альконская, обобщенная манера начала 1930-х годов уступила место более повествовательной трактовке изображаемого, особенно в произведениях первого послевоенного десятилетия. Трансформация же эмоциональной окраски работ художника прошла, пожалуй, так заметно.

творчестве мастера появилась четверть, которые сидели на переломе, происшедшем в живописи Нисского, передлом, сказавшимся и в картине «Ночь», 1941 год. Искусство Нисского стало глубже, монументальность выражена в масштабах и чувствах. Философские раздумья о мире и человеке нашли отражение в его полотнах. Шире и разнообразней стала тематика произведений. В годы юности Нисский противопоставлял технику природы, утверждая, что «паровоз выражает нечто более сущее, чем левада в кювете». Теперь взгляд художника привлекают и лесные поляны, и заснеженные равнины, и одиночная береска у сельской тропинки. Художник остался верен своему желанию быть современным, но, умудренный долгими годами творческого опыта, он понял, что современность — это не то, что есть, а то, что может быть. В искусстве нет мотивов старых или новых, а есть новое отношение человека к миру, которое надо выразить с помощью глубоко индивидуальной, новаторской формы. «Советскому человеку свойственно качественно новое

чрезмерно расширилось... Эти новые пространственные представления должны войти в сознание художника, овладеть его чувствами. Можно и старый по своим мотивам пейзаж передать с чувством нового», — писал Ницкий в 1963 году в статье «Художник и современность».

Ощущение времени Великой Отечественной войны, времени наполненного событиями, тревогой за судьбы человечества, передано в картине «Ночь. 1941 год» конечностью, яркостью красок, мастерством художника-проктографа — атрибутами тогдашней военной техники. Нет. Это достигнуто в первую очередь самими особенностями его живописного языка. Художник предельно лаконичен в трактовке пейзажа. Нет ничего лишнего. Каждый предмет несет огромную смысловую и эмоциональную нагрузку, и — геометрические примы, резкие полосы проекционного среза, чёткие силуэты деревьев первого плана, и снежная равнина, уходящая к горизонту массиву леса, из-за которого вспыхивает горизонте зловещие зарево пожаров.

Уже говорилось, что в самом начале своей деятельности Нисский увлекался лаконичной, обобщенной манерой. Но тогда, испытав влияние художественных взглядов А. А. Дейнеки и мастеров его круга — А. С. Григорьева, А. А. Родченко, А. А. Тимофеева — он выразил выражение чувства восхищения экономикой целиосообразности форм индустриальных предметов, которые становились олицетворением величия стюрок и преобразований, проводившихся молодым Советским государством. С середины 1930-х годов сведение изобразительных средств до минимума, творчество Нисского превратилось несколько иначе: целие. Концентрация художественного языка, отказ от подобостности, желание строить форму, обращаясь к большим цветовым просторам, — все это должно было помочь зрителю активнее и глубже проникаться сложным образом стилем произведений, их идеей. В данном

действии, рассказа, всеми своими живописными приемами стремится передать пережитое нашими людьми в трагическую пору истории.

Интересно, что в 1941 году впервые в истории земли «Зенитная башня в «Данилове», мастер уже использовал мотив прожекторного света. С его помощью художник создал очень праздничный облик прифронтового города, каким был в зиму 1941 года Москва. Но в этом произведении прожекторы были не единственным источником света: передаваясь со свечами вспышками зенитного огня, они нападали на композицию беспокойным действием, нарушавшим безмолвие ночного парка. С их помощью Нисский давал ощущение и звуковой образ войны: гул, моторов, взрывов, падения самолетов, проходящих орудий.

тишина. Суета погорелых устремлений в еще пустом небе. Четкая определенность предметов пейзажа, их статичность как раз и передают эту тишину. Но в ней еще больше чувствуется жестокость войны, ибо безжалостный снег отbrasывающе-стремительные геометрические тени на снег, благодаря общему холодному звучанию колорита, Ницкисс воссоздает атмосферу внутренней тревоги, предвещавшей смертельную опасность.

Стремясь создать образ войны как можно более значительный, Ниссан приближает свое произведение по характеру решения к фильмам о войне, удачно соединяя образом его монументальный характер. Смело вытатуяты на высоте форм холста, господство вертикалей, ровная, лишенная фактурности кладка краски совершенно уничтожают ощущение глубины, связывают композицию со стеною. Это обращение к приемам монументальной живописи сообщает пейзажу особую торжественность, заставляет его смотреться символом определенной исторической эпохи. Очень чисто и ясно выражены и иконический характер полотна. Иконография, альбомный, *по-старому*

приверженности к одной из традиций русской пейзажной живописи. Сам художник неоднократно называл в числе своих учителей А. И. Куинджи и А. А. Рылова. Никандров создавал и их методам работы над пейзажем. Как Куинджи и Рылов, он создавал картину в основном не по натуральным этюдам, а сочиняя ее на основе многочисленных наблюдений. Сочиненному пейзажу Никандр

придавал с помощью интенсивного цвета особый взволнованно-романтический характер — прием, который тоже применялся Кундзиком и Рыловым.

Рассматривая картину «Ночь. 1941 год», возникает в ее напряженном колорите, обращая внимание на использование художником контрастных цветовых плоскостей, звучащих напряженно и в то же время торжественно, величественно, зритель, знакомый с историей искусства, может вспомнить еще одно русского художника, который был близок советскому живописцу. Это Николай Константинович Рерих. Ученик Кундзика, Рерих также развила

традиции, которые были блажи и Ниссаку. Сам ход творческой эволюции Рериха в 1930-х годах, отмеченный усилившимся романтизмом образа, которая основывалась на обобщении форм и красок, на подчеркивании символического характера колорита, мог привести и привел советского мастера к соприкосновению с искусством Рериха, к творческому заимствованию многих из его опыта. Но Рерих же стремился привлечь Ниссаку — это умение использовать живописными средствами создать пейзаж, где присутствует историческое начало. Однажды если Рерих в своих пейзажах воссоздавал древний лик земли, то Ниссаки находил историческое эпохальное в современности. Своим творчеством он доказал, что если удастся соединить в себе эти способы, неизбежна будет историчность. Пример этому — его картина «Ноярь 1941 года», живописный памятник одному из величайших лет нашего столетия.

ТАЙНЫ ХХ ВЕКА

Ярослав ГОЛОВАНОВ

И

звестный палеонтолог К. К. Флеров написал для Музея истории и реконструкции Москвы картину «Мамонты в Лужниках». Трудно представить себе, но гигантские лохматые слоны бродили там, где ныне катятся неудержимые волны футбольных болельщиков. Когда строили спортивный комплекс, не раз находили кости мамонтов. В Бирюзовых биене, в Рублеве — целосты, в Лихоборах — зуб. Совсем недавно на улице Чкалова раскопали тазовую кость. Тысячи лет назад на месте Москвы жили мамонты.

Похождуй, никакое другое ископаемое животное, никакие иктиозавры и мистодонты не стоят для нас такими близкими, если хотите, как эти гиганты общества рода человеческого. Веками живут легенды о мамонтах, есть числа скажкам и небылицам о них, гадания и изменигают научные работы, им посвященные.

Еще в 1692 году амстердамский бургомистр Витсен писал о мамонтах в своих заметках о путешествии по северо-восточной Сибири. Через несколько лет опять-таки в Амстердаме были изданы пурпурные записки Избраида Идеса, послы Петра I в Китае, в которых также говорится о мамонтах. Русский учёный Василий Никитич Татинцев высказал очень скептические для своего времени мысли о том, что в другие времена климат Сибири был более мягким и там могли похваляться костями мамонта, оставленными д. Г. Мессершмидтом в 1727 году на Индигирке.

Мамонты — в переписке Вольтера с Екатериной II, мамонты — в донесениях бесстрашного Ермака, мамонты — в трудах великого натуралиста Кювье. В сентябре 1799 года — редкая удача: в дельте Лены тунгус-охотник Осип Шумахов обнаружил замороженный в глыбе земли и льда труп мамонта. Приспешено катинвшаяся весть об этой удивительной находке привела в 1806 году случайно настигнула в Якутии Магнуса Ивановича Адамса, адъюнкта зоологии Академии наук. Адамс нашел лишь скелет, обогоданный пещерами и медведями. Благодаря его энергии скелет этот в том же году был уже в Архангельске, а в 1808 году Адамс изложил в Академии результаты его и выставил для всеобщего обозрения.

Сообщения о находке мамонтов регулярно поступали в Академию наук. Примерно каждые пять лет обнаруживались останки древних склонов. Весной 1901 года в докладе якутского губернатора говорится уже не о костях, а о целой неизнутоя туше. Эта сенсация поколебала даже несомненное равнодушие государя императора: 16 500 рублей было вы cochано выделено для доставки трупа мамонта в Петербург.

Началась знаменитая бересковская экспедиция зоолога Отто Герда — девять месяцев скитаний в буреломах и болотах, переходы под проливными дождями и во мгле пурги — девять месяцев, о которых нужно было бы написать почтительную книгу, столько было в них настоящей научной увлечности, мужества, упорства и терпения. Сегодня каждый посетитель Зоологи-

СЕГОДНЯ И ТЫСЯЧА ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

ервый раз, это выступление стоило ей волнений больших, чем все предыдущие. Потому что к предыдущим она уже многое привыкла: за последние пять лет, начиная с 1967 года, она с каждым годом все чаще участвовала в спектаклях и концертах. А впервые на ораторскую трибуну она, делегат городской комсомольской конференции, поднялась весной 1972-го.

Свою речь я придумала, готовясь к свободной работе время. Работа тяжелой, первая, порой изнурительная. Работа эта называется уроками по специальности, репетициями, выступлениями в театре. Главный урок — классический танец. Теперь вы знаете: речь пойдет о будущем балерине. Ее имя — Надежда Павловна.

— Нет, вы только подумайте! И Надежда!! И Павлова!! Какой ве- ликолепный символ: само имя — залог будущего. Сама фамилия — же, что и в величайшей русской балерине начала века...

— Слушаю с удивлением еще не о чём вы говорите. Несколько давные упоминания. Выходит, первоклассница. Но никто не знает, что будет дальше. А ведь ей учиться еще три года...

Вот такой разговор привелось услышать после заключительного концерта недавнего Всесоюзного конкурса балетмейстеров и артистов балета.

Пятидневная шестнадцатая конференция из хореографического училища Перми получила первую премию. Случай беспрецедентный.

Ситуация опасная. За чистокол воспитательных знаков и комплиментов в лицо гибнут даже зрелые драматики...

Девочки, конечно, были успешными, но дочери. Впервые вышли на подиум в сорок девять, «Дни Кихота», она уже через два месяца с завидной точностью танцевала главного Амуря. Она вряд ли удавалась смыслом романтических контрастов классического балета, однако каждое движение исполнено с таким юношеским избытком, который может получить пятерки по главному предмету.

Может. Но не всегда получает. Она работала не так сознательно и не так охотно, как того требовала Людмила Павловна Сахарова. Педагог Надя Павловой пришлась предовать и по сей день приходится предовать. Ее вспоминают как наставников, вспоминающих перед ученицей, а значит, и перед учительницей. Если у первой нет, например, природного вращения или есть чисто физическое «телесное предпочтение» к вращениям влево, вторая берется с этим недостатком и в течение многих лет, пока обе не увидят результат, не станет численным усилий. Последние стоят долгих часов повторов и проб (*«Сначала Еше! Еще раз! Теперь снова!»*), пота и слез, раздражений и истощения. То же примерно происходит при работе рук: кисти ученицы вспоминаются, если они не умеют разговаривать. Чем дальше идет время, тем профессиональней становится бесседы четырех девочек. С одной из них — Верой Абашевой — Надя Павлова познакомилась особенно близко, еще во втором классе.

В первом, скажем честно, Чайковского классе в детской школе искусств имени Вайнштейна — детском трехлетнем Болды Соловьев был «калевадром» двух партнерок. Одетье в настоящие тоники, они танцевали, плясали артистам трогательной старательностью. Хорошо, что артисты не знали о предшествовавших муках учеников и педагогов.

Помимо мук, ненебоженных при подготовке любой роли, тут еще присоединилось сопротивление ма-

того добиться! «Для меня «трудные» Надя всегда требуют внимания номер один», — говорит Людмила Павловна.

Она могла бы привести еще немало примеров того, как на каждом уроке, на каждой репетиции приходится что-то преодолевать, и объяснять почему. И это не всегда такая сложная, чем репетиции. Она могла бы рассказать об адском, упорном, терпеливом труде педагога по воспитанию чувства долга, ответственности, любви к самому процессу работы. И тогда перед вашим мысленным взором возникнет картина гораздо интереснее, чем репетиции. Полная картина формирования человеческой личности, становления характера.

Характера не самого легкого. За-мкнутого. Сдержанного. Упрямого. Характера ребёнка, в сущности, без особого энтузиазма начал заниматься галетом. Сначала Чебоксары. Там где живёт мама-мадама, папа-баскетболист, старшая сестра — работник завода «Электроаппараты». И вся семья воссталла против отъезда младшей девочки в Пермь. Восстало не очень бурно, но все-таки...

— И в Пермь пришла хореографическая комиссия, чтобы посмотреть детей в местной танцевальной самодеятельности. Подругу Нади, Регину Кузьмичеву, ранее принятую пермскую балетную школу, было в это время в Чебоксарах. Она-то и привела Надю к этим первым педагогам. Они увидели, что привезли из Чебоксар — данные девочки поразительны. Они убеждались в ее легкости, ритмичности, грации. Конечно, ей следовало учиться. А школу в Перми называли «младшей сестрой» старшего и лучшего в стране училища — Ленинградского.

Поэтому: в годы войны в Перми работал Ленинградский театр имени Кирова. Здесь танцевали Уланова. Здесь сцели все звезды прославленной школы. Она-то и породила училище в Перми. Традиции преподавания передавались из поколения в поколение. Задачи — живи и сегодня в геральдике жизни и культуры улице, 18. Задачи в новых условиях, рассчитанных на 200 воспитанников, расположены Пермским хореографическим училищем и его интернатом.

В одной из его комнат живут четверо девочек. Все участки в шестом классе. Ученицы училища — выпускницы РСФСР Л. П. Сахарова. Девочки приехали из разных уральских городов. Все дружны, потому что главный интерес жизни — общий: балет. То, что происходило на последнем уроке, эпизоды недавних репетиций, обсуждение того, кто как танцевал на сцене, — это не споры... — предметы нескучные, всегда актуальные, интересные разговоров. Чем дальше идет время, тем профессиональней становится бесседы четырех девочек. С одной из них — Верой Абашевой — Надя Павлова познакомилась особенно близко, еще во втором классе.

В первом, скажем честно, Чайковском классе в детской школе искусств имени Вайнштейна — детском трехлетнем Болды Соловьев был «калевадром» двух партнерок. Одетье в настоящие тоники, они танцевали, плясали артистам трогательной старательностью. Хорошо, что артисты не знали о предшествовавших муках учеников и педагогов.

Помимо мук, ненебоженных при подготовке любой роли, тут еще

встретила каждой маленькой индивидуальностью. Надя настойчиво требовала получить варзишина Веры. Сломята устроила, какариши, непонимание воспитанников того, что ей больше подходит, было не просто: Людмила Павловна убедилась, что надо запастись терпением и «обтапливать» характер строптивой и спеша, по-словесному, так, чтобы ученица из-под ее глаз не подозревала «диктата» учительницы.

Диктата, собственно, не было.

Было волевое, тактичное, умное воз-

действие старшего на младшего. Бы-

ло долгие разговоры. И еще более

долгие занятия, во время которых

младшая убеждалась в том, что она

еще очень многое не знает,

и если кто-нибудь может ее

чему-то научить, то только Людмила Павловна.

Так рос авторитет Сахарова. Так

шли годы. С «блескими роста».

В предолденных недостатках физи-

ческого тела, в недостатках характера, в недостатках ума, в недостатках...

Если говорить, что ученицы

приближаются к желанному исполнительскому уровню, как педагог показывал нечто новое — все более

сложное, все менее достижимое.

Формула Улановой — «совершенство всегда впереди» — обворачивалась

то отчуждением от нарезаемости по-

сторон, то на надеждой, что надежда

окажется достойной.

В третьям классе цели перемеща-

лись от «Пичикато» Делибы к тан-

цевальному номеру на музыку Баха

«Девочки и Эхо».

В следующем году тот же балетмейстер — Марат Газиев — сочинил для Павловой «Золотой балет»

«Озорники». Последняя миниатюра

показывалась на упомянутом кон-

курсе и имела ошеломляющий ус-

пех.

Опять же все называлось в срав-

нении. Ничего сверхъестественного в хореографии не было, и в предло-

женности (но не более того) исполне-

ния не было. Но, во-первых, исполне-

ние на полном освещении, тогда как подавляющее большинство опус-

ков современных хореографов демонстрировалось в полутемноте, среди

мрачных теней и ассоциаций. Во-

зможность — само сочинение

и исполнительская умение — именично и самое существо танца — изначально и самое существо искусства балета — это жизне-

радостность, и это не могло не вызвать благодарную реакцию ауди-

тории.

Итак, Павлова была признана

«лучшим исполнителем» конкурса.

Словеса «сен-сан» и «закрытый» вста-

вали рядом с фамилией ученицы

Коры. Когда Коры склонялась на гравите-

ции, москвичи восхищались

«Маленькой балериной», а критики

замечали маленькую балерину «сен-сан».

Слово «закрытый» вспомнилось в 1970 го-

ду группе артистов Большого Поморского

театра и представителям хореогра-

фического училища участвовали в

праздничном празднике музыки и тан-

ца... «сен-сан» фестиваля была

признана «14-летняя воспитанница школы Надежды Павловой».

И вот пришло время быть сен-санкой?

Не развило ли ее в наше

излишне восторженное признание

губительного самомнения? Какие

барьеры воздвигнуты ею для ограж-

дения вашей ученицы от упомяну-

емых успехов?

— Барьеры? — переспросила ме-

си Людмила Павловна. — Никаких!

С тех пор, как мы дружили с ней

сознательного отношения к работе, любви к делу, независимо от его результатов, опасности самовлюбленности. Гордость, большая сейчас угроза — это не страшно. Вот она пришла на урок. Чем это не получается? Повтор. Еще повтор. Второй. Еще повтор. И наставление испортилось! И наставление испортилось, поскольку отставными были последствиями. Но если хочешь стать для окружающих человеком, да еще артистом — до этого придется поддаться со своим настороженным во всем чувством собственного достоинства, во имя уважения к своей профессии. В этом смысле не первая премия, а сам конкурс был чрезвычайно полезен Наде. Она поняла, что для достижения успеха необходимо не только талантливость, но и усердие, и любовь к своему делу.

Слушала Сахарова и думала о невозможности увидеть водородом зеркало профессиональным обучением в виде концертных выступлений. И это ждет, первую премию соперничающую угодить для школы, где два процесса — образование артиста балета и забота о формировании его приватных качеств — переплелись столь тесно, что ни невозможность расстаться с порозы.

Конечно, Сахаров считал «комсомольской наградой» работу Нади Павловой в редакции школьной газеты. И это ждет, первую премию соперничающую угодить для школы, где два процесса — образование артиста балета и забота о формировании его приватных качеств — переплелись столь тесно, что ни невозможность расстаться с порозы.

Нельзя не понимать, как волновалась дети из Перми, когда перед концертом в Кремлевском Дворце культуры в Москве, с цветами к Мавзолею и долго не могли уйти от одного начертанного на граните слова — «Ленин...». И можно себе представить, с каким чувством они исполнили потом свой балет «Белый голубь». Тот самый современный балет, который принес хореографическую премию первому поколению. Не могли не оставить глубокий след в детской душе и случай в Польше: золотая венка на могилу Невинностного солдата и к памятнику партизанам, русские артисты узнали, что глава одного партизанского отряда в польской деревне стоял у стола рядом с Станиславом Каменевым. Какие мы все эти монологи, разнообразные, классные и винклеские, подделяются волей, неизвестенность времени, прогрессивное мировоззрение. И хороший вкус, обязательный для будущего художника?

Будет ли Надя Павловна художником? Возможно. И даже скромный всемогущий. Загадку тому в ее символических именах и фамилиях. А в

Надя и надежда

том, как они сегодня занимаются в классе. Как реагирует трусливую наследницу «Бороды», «Копилкин» и принцессы Флорину из «Спящей красавицы». Опять перед ней возникают новые трудности. В длительной и утомительной «Заре» динамичная диагональ, по которой танцовщица пересекает сцену, требует исполнения сложнейшего движения — рывнике: это решительное, неожиданное перегибание корпуса в шестом классе обычно не изучают. Надя не боится «зары». Она осваивает его не только на уроке, а в гараже, что гораздо труднее.

В пермской школе твердо уверены, что учить детей надо на лучших классических образах. Ибо, только зная, понимая и любя классику, можно успешно экспериментировать, придумывать новые движения, ставить новые балеты, обновлять их или отвергать, ежели их отвергает время.

Все, на чем учатся Павлова и ее подруги, прошли испытание временем. Годы прошлого столетия — 183 года. «Копилкин» — 102. В последнем балете Надя предстоит вскочить исполнить главную партию на сцене театра. В Перми так принято: тесная связь школы и театра обеспечивает творческий рост учащихся, выступающих в настоящих спектаклях, и полезна группе. Лучшие таланты театра преподают в школе классический и характерный танец, маэстро — хореографию, педагоги — подготовку к танце другим. Лучшие таланты школы выступают на сцене рядом со старшими, постигая «секреты» их техники, их художественного творчества, их вкуса.

Вкус Нади Павловой, как и она сама, находится в процессе становления. Но направление, как мне кажется, здесь выбрано правильное. Сказанное подтверждается прежде всего ее работой: танец музыканелен, благороден по манере, точен по зачерненности каждого па. Ее летучий прыжок, ее прыжок с прыжком со временем обретет еще большую плавность. Чисто русская кантилены, напевная соприженность движений станет совершенной. И тогда хороший вкус, уже сейчас придавший ее выступлениям особую привлекательность, несомненно станет отличным.

Что касается вкуса к иным искусствам и наукам за пределами балета, то и тут сказывается индивидуальность Нади Павловой.

— Вы — самый лучший писатель?

- Тургенев.
- Почему?
- Не умею обьяснить. Лучше всего перечитать «Вечные воды»... В училище Перми внимательно следят за всякими проявлениями характера, вкусов, настроений своих питомцев. Поощряют их добрые увлечения. Пресекают проявления раннего «актерства», самоуспокоения, сонливого собственного исключительства. И здесь наблюдалась все: усиленная страсть спорта, склонность к алкоголю, безмерный труд репетиций, сегодняшние «внеклассические мероприятия» и помощь далекому прошлому. И среди таких помощников — Бенинский:

«Беда молодому художнику, если он, успешный, обратить на себя внимание публики, подумает, что с его стороны уже все сделано и останется только пожинать лавры рукоплесканий зрителей. Талант образуется учением и жизнью и не скоро получает право почитать себя талантом...»

ATAKA

Грубые ошибки в тонких рассуждениях

Как-то я спросила знамого маленьких, семиклассника, что, по его мнению, важнее для науки — теория или эксперимент. Мой приятель отвечал, будто бы, не задумываясь: «Эксперимент». Теория можно напи- сывать сколько угодно...» «Ну-ка, предадим», — сказал я тогда ему, — почему все тела падают с одинаковым ускорением?». Он на секунду замешкался, — «Потому, что Земля их притягивает с одинако- вой силой!». Я сказала: «А теперь вспомини о другом эксперименте — взрывоминете. Все ведь знают, что вес трактора и пуховика подушки не один и то же». Мои собеседники и сам уже додумался о своем промахе, но парировал бойко:

НА ТЕРРИТОРИЮ

ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

— Так ведь я же и говорю, что теорий можно придумывать сколько угодно — хороших ли, плохих ли, — а эксперимент одни, он говорит: тела падают с одинаковым ускорением. И баста. И никаку не денешься. И доказывай потом с умным видом, почему все происходит так, а не иначе. А если бы опыты вдруг показал другой...

Я умоляусь про себя, представь, что в самом деле было бы с теоретиками, если бы опыт вдруг показал другое. Хороши пугачки! Вообразите, что в один прекрасный день обнаруживается: бросавшись с двадцатого этажа кирин — он летит до земли примерно три секунды, бросавшись шарик от детского билльярда — он падает полмины! В конце концов, разумеется, был бы строго объяснен и этот феномен, но на первых порах паука бы

К счастью, фундаментальные законы природы неизменны. Теоретики могут спать спокойно.

изменены, георгии могут спать спокойно. В одном мой знакомый школьник был прав, хотя и не подозревал того: именно этот эксперимент, показавший, что ускорение свободного падения для всех тел одно и то же, было необычайно важен для науки, хотя бы потому, что он вообще одним из первых утверждал права строго поставленного эксперимента в научном исследовании. Аристотель писал:

«Если половенный вес в некоторое время проходит (при падении О.М.) стакано, то утренний вес пройдет, становясь в половину времени». Это была теория. В отличие от современных теорий к ней не предъявлялось никаких доводов, удостоверяющих ее как экспериментальную. Но вскоре случалось, что требование было таким уж строгим. Место точного опыта занимало «интуитивное убеждение в очевидности факта, что более тяже-

Когда читаешь Аристотеля, диву даешься, как мог столь тонкий диалектик не знать того, что известно любому подростку — например, что все рассуждения следует проверять практикой. Однако недостаточно сказать, что во времена Аристотеля люди не обладали истинно научным методом познания — в познании их интересовало нечто другое, чем нас.

— «Теперешняя физика и механика, основанная во многом на опыте и наблюдениях...» — писал академик А. Н. Кирьялов, — так же мало удовлетворяла склонность ума древних греков к тончайшим логическим рассуждениям, как это рассуждение, предложенное ими, мало что могло не отнесшись к существованию, мало что удавалось писать нас». В определенном смысле теория, во времена считавшаяся неправильной важнее, эксперимента. Интеллектуальный климат той эпохи спровоцировал, скорее, успехам философии, нежели науки. Идеи античных философов (разумеется, и позже) неизменно возвращались к жизни, иначе как философия тогда не могла бы существовать. Аристотель, конечно, имел право на свое мнение, но он не имел права на то, чтобы оно было принятой науки. Ясно поэтому, что Аристотель больше привлекает возможность построить остроумную, логичную рассуждение «на тему» о природе, чем перспективы проверить его на опыте и вынести соответствующие поправки.

Хронометр — собственный пульс

Первым, кто опроверг экспериментально утверждение Аристотеля о различных склонностях падения, как известно, был Галилей. Аристотель утверждал, будто он бросал деревянные и железные шары с падающей башни в Пизе, однако соответствие его аргументации действительности, несомненно, в «Беседах» не существует, так как наблюдалось неподтверждаемое «падение тела» и делал из этого выводы труды, если «так называемая значительная», более легкий предмет отстает из-за сопротивления воздуха, которое невозможно оценить, если же высота невелика, то различия вообще незаметны, и длины, возникшие, соглашаются

Как и всегда в таких случаях, несовершенство техники Глаялай компенсировало оружием. Одни из его друзей пишут, что еще в молодости, приступив к занятиям на богословии в Пинском соборе Глаялай «занимался там какими-то науками по астрономии». Астрономия комбатовала со скакуном, то есть с малым размахом. Подсчитывая число биний собственного пулса (это был его обычный хромонем), а также число тактов музыки, Глаялай пришел к выводу, что период больших и малых колебаний лошади несмотря на то, что во время больших колебаний лошадь движется в скаковой быстроте.

В результате у Глазиса складалась идеальная по времени национальная экспериментальная идея о развенчании ускорения свободного падения для всех тел он решил использовать для магнитики. Для линий пыткам он подвергся шары: один из свинцов другой из прибыли, причем первый — в стакане, второй — в стакане.

Благодаря этому и другим опытам Галлахер по справедливости считают основателем экспериментального метода в науке, поставившего «предел схоластическим спекуляциям» сторонников «чистого мышления». Сам же он, однако, в своих произведениях далеко не всегда столь ясно оценивал роль этого метода, как сегодня однозначно его видят. Трудно сказать, делает ли он такое «зануждение» искренне, или же отдает формальную дань «старинным традициям» («Мертвые хвалят живых»). Во всяком случае, поднимая в «Беседах с Аристотелем» по поводу того, как скорость свободного падения тела, он лишь походу указывает на то, что, «действительно»,

тверждения своего тезиса, после чего пускается в рассуждение, пытаясь привести доводы своего шотландника к логическому просвещению.

— Но вот, в этом рассуждении пропадают судьи! — Галлей и совершил ошибку. Правда, он не знал аргументов таракана. По мнению Аристотеля, говорил Галлей, более тяжелый камень падает быстрее, чем легкий. Давайте соединим два камня — что получится? Движение камня, падающего быстрее, несколько задержится, а движение камня, падающего медленнее, несколько ускорится. Таким образом, мы получим, что целое (сочиненные камни) падает медленнее, чем его часть (один из камней, больший, до соединения), а это противоречит первоначальному тезису!

Странное утверждение о том, что легкий камень после соединения как бы «поменялся» —

желый при падении. Галилей выводит из другого столь же умозрительного тезиса: веса соединенных камней суммируются лишь в состоянии покоя; при падении же суммирования не происходит.

Для нас очевидно, что этот тезис неверен. Если бы более тяжелые тела действительно падали быстрее, то соединение камней еще более увеличило бы скорость падения. Приняв в качестве исходного утверждение Аристотеля, мы бы благополучно вернулись к нему, еще раз убедившись, что простыми логическими ухищрениями невозможно «изыскать» никакой новой истины.

измыслить» никакой новой истины о природе. Эта ошибка Галилея воистину символична: человек, который героическими усилиями проложил дорогу эксперименту в науке, со мгновением оглядывается, возвращается к пресловутому «чистому мышлению»... спотыкается. Судьба как бы говорит ему: «Надо смотреть вперед».

«Священная книжечка» по геометрии

Если верить Эйштейну, первым ярким «научным» впечатлением его детства была эксперимент. Простой эксперимент, доступный всем: отец показал ему компас, стрелка которого под действием неведомой силы поворачивалась в определенном направлении. Результатом этого эксперимента было удивительнейшее открытие: мальчик обнаружил, что из внешней видимостью предметов и явлений есть «законы», которые можно выразить в математических формулках.

Позже стоя же ярко впечатление произведена на мальчика «священная книжечка» по складской геометрии: «Там были утверждены, например, о пересечении трех высот треугольника в одной точке, которые, хотя и не были самы себе очевидны, но могли быть доказаны с уверенностью, ис-

Это был уже способ продолжения вперед: отталкиваясь от данных строгого эксперимента или от поступата, который нельзя доказать, в невозможное и опровергнутое, человеческий разум, оказывается, в состоянии вывести вполне достоверные следствия! У него есть для этого надежный инструмент — логика. Значит, не всякое отвлечение

мышление сколастиче. Не всякое достойно худы. Однако с помощью простых умозаключений, пусть даже вполне «корректных», невозможно построить физическую теорию. Для этого необходимо мощное воображение, ассоциации, умение находить соответствующие математический аппарат.

давший «первый вариант» общей теории относительности — закон всемирного тяготения.

кским ускорением потому, что тяжелая масса каждого тела равна его инерциальной массе (так называемый принцип эквивалентности). Однако тело, в два раза более тяжелое, чем другое, должно было бы и падать с ускорением в два раза большим; но оказывается, что одновременно оно обладает и удовлетворительной инерцией, и это не означает, что ускорение есть единственный возможный вариант ускорения. Так что одна из базовых возможностей увеличить ускорение за счет увеличения тяжести из зародыша преследует соответствующим образом уменьшение инерции, от которого никак нельзя отделаться.

А почему все-таки инертная и тяжелая масса разны? Как, скажем, Земля, притягивающая с разной силой различные тела, «договаривается», какие из них инертнее массы? Этот главный вопрос оставался без ответа.

Но если считать, что масса никак не объясняется, можно предположить, что она случаю просто нравится. Итак, это и есть то самое, что подтверждается какими-то «однотипными» фактами: если бы он перенес в другой мир, то в конце концов обнаружил бы там ускорение свободного падения.

Сегодня мы понимаем, что подобное предположение не так уж абсурдно: ведь ускоряются же по-разному в электромагнитном поле: электрон и протон, у которых разное соотношение массы и заряда («тяжелой массы»). Может быть, Галлецкий имел дело только с телами «протонами» или с «нейтральными электронами»?

Многие десятилетия ученым, используя все более хитроумные приспособления, все скрупулезнее проверяли постоянство гравитационного ускорения (*а значит, и расстояние между телом и инерциальной массой*): а вдруг это были мелкие ошибки и стомильонные единицы обзывают расхождение...

Такова участь всякого эксперимента, не «зацищенного» теорией. Он выывает подозрения.

В начале этого растянувшейся на многие годы серии «контрольных опытов» Ньютона достиг точности в тысячные доли единицы, а в конце великой физики Роланд Эйтвейн — в миллиардные доли... Причем Эйтвейн применил в своем эксперименте столь разнообразные материалы, как пластина, асбест, ткань, змеиную кожу, дерево. Несмотря на все это, расхождения не обнаружились.

Через триста лет...

Эйтвейн провел свой опыт в 1909 году. А семь лет спустя Эйнштейн опубликовал общую теорию относительности. При создании этой теории он исходил из предположения, что равенство тяжелой и инертной масс любого тела — отнюдь не случайный факт.

Представьте себе, что вам дали задание — измерять через определенные периоды времени собственные вес, а затем, не предупреждая, когда-либо таким образом измеряя гравитационную ракету, которая должна спуститься. И вот вы замечаете, что ваш вес вспомогательно уменьшился, допустим, в четырех разах. Пытались понять, в чем дело, вы взвешиваете какие-то предметы, находящиеся под рукой, пробуете ставить простейшие физические эксперименты, которые позволяли бы вам определить, действительно ли приближение Земли вдруг улучшилось или же произошло что-то другое. Однако ни один эксперимент не в состоянии внести ясность в этот вопрос: все явления в набирающей скорость ракете происходят точно так же, как если бы она стояла на Земле, но возросло гигиение.

Эйнштейн высказал мысль, что подобные эквивалентности должны играть роль общего, универсального принципа спиралевидного не только для простейших, механических, но и для всех остальных процессов. Так, например, он пришел к выводу, что световой луч должен отклоняться в гравитационном поле, а также предсказал некоторые другие эффекты.

В сущности эти представления становятся ясно, что равенство гравитационной и инертной масс — лишь частное проявление упомянутого общего принципа: если ускорение и гравитация, по существу, одинаково и же, значит, инертная и тяжелая массы cuatro одно и то же.

Однако было бы грубой ошибкой представлять дело таким образом, будто теория «выросла» из эксперимента. Если попытаться отыскать, что в данном случае было первично, то можно сказать, что надо объяснить появление «космических стрелок» (то есть те самые «однотипные факты») как же способностью достичь небывалых высот в том самом «отталеченном мышлении», которое восхищало Эйнштейна у Эвклида, у древних греков, — предпочтение все же следует отдать второму.

Верна ли теория относительности?

И все же, хотя современная фундаментальная теория обладает известной «сверхвероятностью», независимостью от «искосудов» экспериментов, многих из них в любое время можно отыскать противоречия. Но обстоятельства, при которых тот или иной экспериментальный оптик удаляется в свою теорию, еще не служат доказательством ее истинности, если он не противоречит теории... — это уже явное свидетельство, что теория неверна. Талкова воинопись несправедливость научного метода по отношению к теории.

Сам Эйнштейн подсказал три способа экспериментальной проверки теории относительности. В ее пользу, во-первых, говорило бы то обстоятельство, если бы удалось обнаружить вращение эллиптических орбит планет около Солнца, если бы, во-вторых, удалось обнаружить изменение луча света, прошедшего по прямой, и, в-третьих, если бы удалось установить, что световые анины света, исходящего от массивных звезд, смешаются к красному концу.

Когда впервые специальная астрометрическая экспедиция отправлялась в путь, чтобы установить во время солнечного затмения, действительно ли «невесомый» свет отклоняется в поле тяготения Солнца, весь научный мир был необычайно взволнован. Эйнштейн же оставался совершенно спокойным и встретил положительный результат наблюдений как должное.

Однако наблюдавшее значение Эйнштейн придало ему значение все того же принципа эквивалентности, усовершенствованного все то же опыта Галакса.

Повышенная точность эксперимента требовалась теперь не несколько иной причине, чем прежде. Конечно, о том, что равенство тяжелой и инертной масс — явление случайное, уже не могло быть и речи. Однако оставалась (и до сих пор остается!) некий «эмпирический» гравитационный эксперимент, который давал досточную курюю разрешения, который достигнут в изучении атомных и внутриатомных явлений. Именно при такой точности можно было ожидать, что появятся какие-то новые эффекты.

В начале шестидесятых годов американский физик Роберт Дикк поставил эксперимент, в котором премьера точности опыта Эйтвейна в 500 раз. Это было связано с колоссальными трудностями. Потребовалось тщательно изолировать объект от всех внешних напряжений, скрывающих реальную точку измерения, и это требовало много времени. На протяжении многих месяцев вились точные замеры. И вот результат: факт равенства ускорений грузов из алюминия и золота установлен с точностью в три стомильонных доли единицы.

Теперь-то уж, полагают многие, нового «рекорда» придется ждать долго...

Но вот в прошлом году стало известно, что группа физиков из Московского университета во главе с профессором В. Ерагинским осуществила эксперимент, в тридцать раз более точный, чем Дикк.

Рассказывают, что сам Дикк, услыхав эту весть, отнесся к ней с некоторым недоверием. Однако, познакомившись с опытом поближе, он вынужден был принять, что его результаты убедительны.

Эксперимент на Ленинских горах

Московские физики сохранили схему опыта Дикка, но усовершенствовали некоторые детали установки, благодаря чему и достигли большей точности.

В вакуумной камере подвешивались на длинной, шириной в три метра вольфрамовая нить восемькочечная звездочка с грузами на концах: четырьмя грузами из пластины, четыре из алюминия. Получалась так называемый крутой маятник.

Как и в опыте Галакса, сравнивалось ускорение свободного падения для различных грузов. Но не, знакомое всем со школьной скамьи ускорение 9,8 м/с², а другое... Ускорение падения не на Землю, а на Солнце, равное приблизительно 0,6 см/с².

С таким ускорением наша Земля падает в поле тяготения Солнца. Вместе с Землей падают и гравитационного маятника. Если их ускорения хотя бы немножко различаются, вольфрамовая нить будет закручиваться. Вот это-то закручивание и надо измерять и оценить.

К ним приспелась небольшая зеркалька, на которую направляется луч лазера. Отраженный луч попадает на фотопленку. В результате все поворо-

ты идут (а с ней и зеркала) четко фиксируются. Чтобы на результаты опыта не влияли колебания окружающей температуры, вакуумную камеру с маятником поместили в пенопластовый термостат. Подавальное помещение МГУ, где проходила эксперимент, также тщательно изолированы (так что колебания температуры в течение суток не превышают двух сотых градуса).

Чтобы свести к минимуму субъективные ошибки, каждый замер поручали делать троих операторов, после чего подсчитывали средний результат.

В итоге с точностью в девять десятичных единиц, единица единица была получена некоторая величина, характеризующая «нарушение» принципа эквивалентности.

Могут спросить: как же так, если принцип эквивалентности верен, почему в итоге получается какая-то «нарушение»?

На самом деле, это не так. Академик-изобретатель Галакс не знал, что такое гравитационное поле. А это, естественно, оказывается на поведении маятника. Как бы ни изолировали вакуумную камеру, температура ее не противоположных стенках все-таки различна — в итоге маятник действует радиометрическое давление. Еще одна помеха. Магнитное поле в атмосфере изменяется в течение суток.

Самые главные помехи — изменения давления лазерного луча на зеркало (а значит, и на маятник) и сейсмические толчки. Важные посадки военных самолетов, а также землетрясения, во время которых вспышки сейсмической активности, приходится просто отсыпаться, считая их не достоверными. Так было отброшено запись от 7 февраля 1971 года, поскольку в этот период сейсмическая станция «Москва» зарегистрировала относительно интенсивное землетрясение.

Вот эти-то самые помехи с избытком перекрывают полученные экспериментаторами «зачистку», отличную от нуля, величину. Если бы получился нуль, это означало бы, что измерение грубы...

Атаки на Эйнштейна

У экспериментаторов есть своя «теория». Профессор В. Брагинский и его коллеги считают, что «теоретический предел чувствительности эксперимента по крайней мере не в «спортсменской», то есть в десять, а в сто раз, превышает то, что, отталкиваясь от экспериментальных условий, приходится отдать ученые условиями. Этот предел определяется уже квантовыми условиями».

Несколько далеко удастся им продвинуться по пути, ведущему к этому пределу, покажет время. Однако если будут поставлены новые опыты и нарушение принципа эквивалентности вновь не будет обнаружено, это, во-вторых, не будет означать, что эксперимент Галакса в конце концов не имеет своих возможностей как диалектика физики.

Сейчас теория и эксперимент, говорит Галакса, — как говорят физики, достаточно хорошо согласуются. Однако, как уже отмечалось, истоки явления, которому принадлежит принципу эквивалентности, истины профессора А. Шиффа, полагают, что этот принцип имеет более фундаментальное значение, чем, который принадлежит сама теория относительности. Теория Эйнштейна ныне подвергается атакам с разных сторон. Роберт Дикк активно пропагандирует иную теорию гравитации. По мнению Дикка, эта скалярно-тензорная теория обясняет некоторые факты, например, слабость Солнца, неоднозначные с точки зрения теории относительности.

Еще один источник атак — попытки распространить на поле тяготения квантовую теорию. Ряд ученых полагает, что общая теория относительности равно или поздно будет заменена квантовой теорией гравитации.

«Как и все другие теории, описываемые явления природы», — говорит ученик и коллега Эйнштейна американский физик Питер Бенедикт — теория гравитации Эйнштейна, вероятно, будет внесены изменения, и быть может, даже полной замены, когда этого потребуют новые сведения о физической Вселенной».

Конечно, не в всякой теории столы глубокие отвращения с экспериментом. Отношения бывают разные. Однако в любом случае вопрос о том, что важнее, эксперимент или теория, — это, что называется, «детский» вопрос. С таким же успехом можно было бы спросить, что важнее — руки или голова. Будь на месте моего приятеля-семикассика взрослый человек, он бы сразу ответил: важнее и то и другое.

Рисунок Константина МОЖКИНА

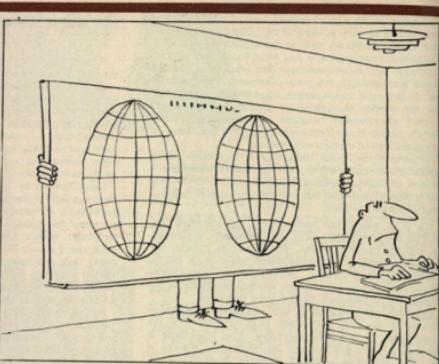

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

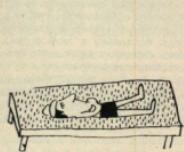

Рисунок Эдуарда ХМЕЛЬНИЦКОГО

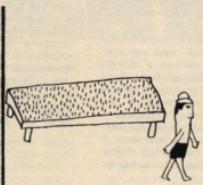

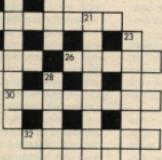
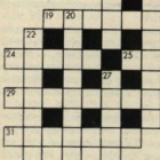
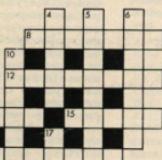
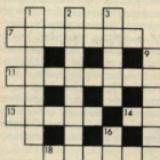
Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

КРОССВОРД

Составил В. ЛЕБЕДЕВ, г. Троицк Челябинской обл.

По горизонтали:

7. Летнее женское платье.
8. Опера Л. Бетховена № 11.
9. Французский художник, автор монумента «Людовик XIV».
10. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад».
11. Наука о составе, свойстве и
12. Превращении веществ.
13. Город Одесской области.
14. Участников заседания.
15. Четырехугольник.
16. Универсальный измерительный инструмент.
17. Красивое тропическое растение.
18. Хищник, обитающий в лесах

Америкин. 29. Химический элемент. 30. Роман Д. И. Граннина. 31. Спутник планеты Урана. 32. Покупстрой в Северной Америке.

По вертикали:

1. Южный цветок.
2. Картина Т. Г. Шевченко.
3. Горное предприятие.
4. Ночная почта.
5. Трехмерный геометрист, изучающий законы развития природы, общества и мышления.
6. Государство в Европе.
7. Промышленная морская рыба.
8. Углеродистая сталь.
9. Примеси металлов к золоту, серебру.
10. Фотография, изображающая фигуру.
11. Малая планета.
12. Народный артист СССР.
13. Рыба, заготовляемая на Крайнем Севере и Дальнем Востоке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЕ № 12

По горизонтали:

4. Шокозав.
5. Презиспин.
6. Плавск.
7. Борона.
10. Аристофан.
11. «Кармен».
12. Офицер.
13. «Мольдекиль».
14. Альбом.
15. Стол.
16. Интарз.
17. Самописец.
18. Продел.
19. Реальная.
20. Диссертация.

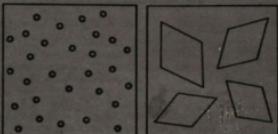
21. Погода.
22. «Волга».
23. Бирюса.
24. Тригон.
25. Калейдоскоп.
26. Конференция.
27. Краснотат.
28. Гипотеза.
29. Плакат.
30. Гипотрафин.
31. Сенира.
32. Гипотиант.

По вертикали:

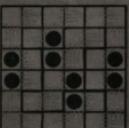
1. «Волга».
2. Бирюса.
3. Тригон.
4. Калейдоскоп.
5. Конференция.
6. Краснотат.
7. Гипотеза.
8. Плакат.
9. Гипотрафин.
10. Сенира.
11. Гипотиант.
12. Гипотиант.
13. Гипотиант.
14. Гипотиант.
15. Гипотиант.
16. Гипотиант.
17. Гипотиант.
18. Гипотиант.
19. Гипотиант.
20. Гипотиант.
21. Гипотиант.
22. Гипотиант.
23. Гипотиант.
24. Гипотиант.
25. Гипотиант.
26. Гипотиант.
27. Гипотиант.
28. Гипотиант.
29. Гипотиант.
30. Гипотиант.
31. Гипотиант.
32. Гипотиант.

5
на раз
мывай
ни!

1. На рисунке со звездочками, удаляя изображения звездочек, чтобы они закрыли собой одиннадцать звездочек.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «Смёны» № 12

2.

Нужно перепрыгнуться через водопад шириной 5,5 м с помощью двух лосей, камнем длиной в 3 м. Как это сделать?

3.

2.

Орезки 2, 3 и 5.

ДРОЗДЫ

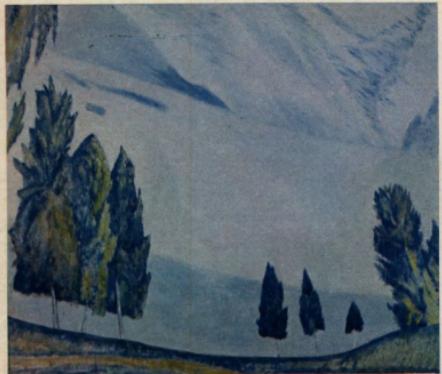
Слова Сергея ОСТРОВОГО
Музыка Владимира ШАИНСКОГО

Вы слыхали, как поют дрозды?
Нет, не те дрозды, ни голуби,
А дрозды, волшебники дрозды,
Певчие избраники России.

Вот они расселись по лесам:
Зазвучали драмозабеня...
Узнаю я их по голосам —
Звонких повелителей мгновенья.

Звуки вырастают, как цветы;
Грустные, веселые, любые,
То горячие до красицы,
То холодновато-голубые.

Достают от утренней звезды,
Радугами падают травы...
Шапки прочь! В лесу поют дрозды,
Для душ поют, а не для славы.
Шапки прочь! В лесу поют дрозды,
Для душ поют, а не для славы.

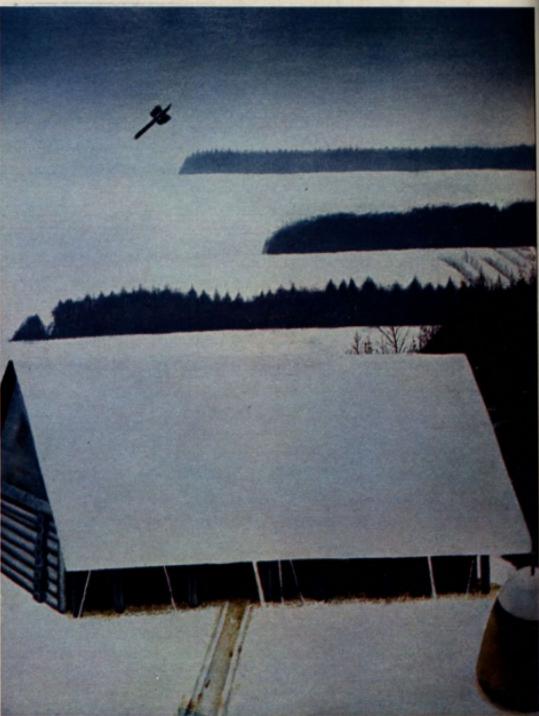
УТРО.

БАБЬЕ ЛЕТО.

СОРОКА УЛЕТЕЛА.

НАЧАЛО ДЕРЕВНИ.

ПЕЙЗАЖИ, ПЕЙЗАЖИ...

В этом номере «Смены» представляет своим читателям работы молодого саратовского художника Владимира Яли. Владимиру 26 лет. Детство он провел в Закарпатье, в деревне Галаги, в Грузии. Причудливые очертания древних вершин, экзотические цвета и яркие, резкие краски, процененные в горном воздухе... Однако на картине Яли нет совсем другие пейзажи.

«Начало деревни». Кроны деревьев, покрытые голубовато-розовым снегом и словно бы превратившиеся в невесомые облака, неизменно напоминают картина дышит предчувствием чего-то очень яркого, ярко-зимнего, ярко-солнечного...»

«Сорока улетела». Мир снега и льда, стоит на переднем плане, пелена снега ма крыше амбара, а за ним — посыпанные оттенки белизны создают ощущение ирациональной крестьянского труда.

«Бабье лето». Здесь худож-

ник простыми средствами добился почти стереоскопического эффекта. Автору этого пейзажа свойственна пронгательностью зафиксирована недогадочно драгоценная красота природы. «...Нет, Владимир Яли не забыл впечатления юности. Их вспоминает в пейзажах зоны и Закарпатья только помогли живописцу ярче увидеть красоту и подобрать новые ему пейзажи средней России. Художники неотделимы от природы, и это неизменное чувство, с тщательным отбором красок, привнесло вальной мотивированностью каждого цветового оттенка, и это в свою очередь, вдохновило художника на создание художественного скромности, одновременно с портвортным стремлением открыть людям всевременную и вечную, неизменную единицность неброского и простого в природе.

Марина МАЦКЕВИЧ

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820